ПЕРВЫЙ ВЫПУСК

Черная линия

Наука - форма государственной религии?

*

П.А.Кропоткин о налогах как средстве разорения неугодных

*

"Тихий" анархизм в экономике разбитых стран

*

Австралийский профессор о новых социальных технологиях

*

Сценарий боевика о Н.И.Махно

BLACK LINE

Черная линия

От редакции:

Научно-популярный журнал "Черная Линия" издается с целью пропаганды новых идей, теорий, гипотез в науке, культуре, искусстве, которые идут вразрез с общепринятыми положениями.

До сих пор наука и искусство существовали за счет государственных субсидий и в уплату за это должны были выполнять роль государственной религии, освящая со своих позиций притязания тех или иных структур на власть и насилие. Особенно уродливые формы это приняло в нашей стране, когда целые научные направления и школы объявлялись бесперспективными и закрывались одним росчерком пера за то, что кому-то из властьпредержащих могло показаться, что они недостаточно лояльны по отношению к существующему государству и к людям захватившим в нем власть. Это подтверждает мысль М.А.Бакунина о том, что государство платит не за труд, идеи или талант, а за верноподданость.

Мы абсолютно согласны с известным современным философом Полем Фейерабендом, что любая наука (даже математика) есть по сути своей идеология. Поэтому мы не намерены провозглашать науку свободную от идеологии. Это невозможно. Мы лишь заявляем о необходимости создания альтернативной науки, свободной от государственной опеки и имеющей самостоятельный идеологический вектор, направленный в сторону большей свободы, независимости от прежних представлений.

Наука для всех, а не только для сильных мира сего!

Декабрь 1993 года

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемый читатель, в первом номере мы предлагаем Вам познакомиться с выдержками из работы Петра Алексеевича Кропоткина "Современная наука и анархия". В прошлом году анархисты всего мира отмечали 150-летие со дня рождения нашего знаменитого соотечественника. Но Петр Алексеевич известен не только как анархист. Многие специалисты знакомы с его работами по политике, истории, экономике, социологии, философии, географии, этнографии, образованию. И это далеко не полный список наук, в развитие которых Кропоткин внес свою лепту.

Читатель, ранее изучавший политическую доктрину Петра Алексеевича, безусловно отметит, что приведенные нами цитаты не дают целостного представления о творчестве Кропоткина. Отвечая на подобные нападки, мы можем сказать о том, что вовсе и не ставили перед собой этой задачи. Печатая данный материал, редакция преследует цель найти общее, что связывает нас, живущих в конце XX века с тем, о чем писал Кропоткин еще в его начале. Безусловно, мы опускаем его социалистические и революционные воззрения, которые были достаточно сильно близки Петру Алексеевичу.

Однако неприязнь Кропоткиным государственного вмешательства в дела каждой личности, непомерного бремени налогов, бюрократизации и коррумпирования государственного аппарата вызывает в нас полную солидарность с этим "генератором" свободомыслия...

А.А.Михайлов

П.А.Кропоткин

Современная наука и анархия

Предсказать, по какому направлению пойдет в будущем наука, конечно, невозможно. Пока ученые будут зависеть от богатых людей и от правительств, их наука будет неизбежно носить известный отпечаток и они смогут всегда задерживать развитие знаний, как они это сделали в первой половине девятнадцатого века. Но одно ясно. Это то, что в науке, как она складывается теперь, нет более надобности ни в гипотезе, без которой мог обойтись Лаплас, ни в метафизических "словечках", над которыми смеялся Гете. Мы можем уже читать книгу природы, понимая под этим развитие органической жизни и человечества, не прибегая ни к творцу, ни к мистической "жизненной силе", ни к бессмертной душе, ни к гегелевской триаде и не скрывая нашего незнания под какими-либо метафизическими символами, которым мы сами приписывали реальное существование.

О РОЛИ ЗАКОНА В ОБЩЕСТВЕ

...Тайные общества колдунов, вызывателей дождя, шаманов, а позднее ассирийских и египетских жрецов, а еще позднее христианских священников всегда стремились убедить людей, что "мир погряз в грехе"; что только благодетельное вмешательство шамана, колдуна, святого или священника мешает силе зла овладеть человеком; что только они могут умалить злое божество, чтобы оно не насылало на человека всякие несчастия в наказание за его грехи.

В то же время государство в своих школах и в своих университетах поддерживало и продолжает поддерживать ту же веру в естественную испорченность человека. Доказать необходимость какой-то силы, находящейся выше общества и работающей над тем, чтобы вдохнуть нравственный элемент в обществе посредством наказаний, налагаемых за нарушение "нравственного закона" (который посредством ловкой поддержки отождествляется с писанным законом), убедить людей, что эта власть необходима, - все это вопрос жизни или смерти для государства. Потому что, если люди начнут сомневаться в необходимости насаждения нравственных начал силою власти, они скоро потеряют веру в высокую миссию своих правителей.

Таким образом, все наше воспитание - религиозное, историческое, юридическое и социальное - проникнуто мыслью, что человек, предоставленный самому себе, ставится диким зверем. При отсутствии власти люди грызлись бы между собой; от "толпы" нельзя ожидать ничего другого, кроме животности и войны против всех. Эта человеческая толпа погибла бы, если бы над ней не были избранники - священник, законодатель и судья с своими помощниками: полицейским и палачом. Именно они не допускают всеобщей драки всех против всех; это именно они воспитывают людей в уважении к закону, учат их дисциплине и ведут их твердой рукой к тем грядущим дням, когда лучшие понятия созреют в "ожесточенных сердцах" людей и сделают кнут, тюрьму и виселицу менее необходимыми, чем теперь.

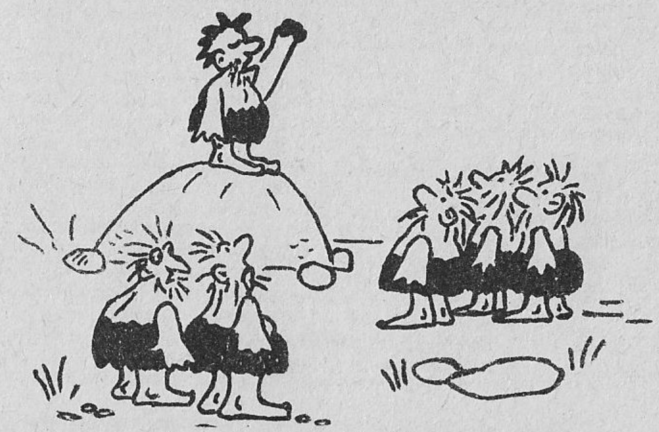
Мы смеемся над тем королем, который, уезжая в изгнание в 1848 году, говорил: "Бедные мои подданые! они погибнут без меня!" Мы потешаемся над английским купцом, который убежден, что его соотечественники происходят от потерявшегося колена Израилева и что на основании этого судьба предназначила им дать хорошее правительство "низшим расам".

Но разве не то же преувеличенное мнение о себе мы находим в любом другом народе у громадного большинства людей, которые учились "чему-нибудь и как-нибудь"?

Между тем научное изучение развития человеческих обществ и учреждений приводит нас к совершенно другим выводам. Оно нам показывает, что обычаи и приемы, созданные человечеством в целях взаимной помощи, защиты и мира вообще, были выработаны именно "толпой" без имени. И именно эти обычаи позволили человеку, как и существующим в наше время животным видам, выжить в борьбе за существование. Наука показывает нам, что так называемые руководители, герои и законодатели человечества ничего не внесли в течение истории, кроме того, что было уже выработано в обществе обычным правом. Лучшие среди них только дали форму и санкцию этим учреждениям. Но очень многие из этих мнимых благодетелей

человечества стремились все время либо уничтожить те из учреждений обычного права, которые мешали образованию личной власти, либо преобразовать их в своих личных интересах или в интересах своей касты.

Уже в самой глубокой древности, теряющейся во мраке ледникового периода, люди жили обществами. И в этих обществах был выработан целый ряд свято соблюдавшихся обычаев и учреждений, чтобы сделать возможной жизнь сообща. Позднее, в течение дальнейшего развития человечества, та же творческая сила безыменной толпы всегда помогала вырабатывать новые формы общественной жизни, взаимной помощи и охраны мира, по мере того, как создавались новые условия.

„Он стоит здесь целый день, говорит чушь, обещает всё. Он называет это политикой."

С другой стороны, современная наука показывает с полной очевидностью, что всякий закон, каково бы ни было его предполагаемое происхождение - говорят ли нам, что он исходит от Бога или мудрого законодателя, - никогда не делал ничего иного, как только закреплял, кристаллизовывал в постоянную форму или распространял обычаи, уже существовавшие раньше. Все своды законов древности были только собранием обычаев и преданий, записанных или нацарапанных на камне, чтобы сохранить их для следующих поколений. Только делая это, свод законов прибавлял всегда к обычаям, уже принятым всеми, несколько новых правил, сделанных в интересах богатых, вооруженных и воинов, - и этими правилами закреплялись нарождавшиеся обычаи неравенства и порабощения, выгодные для меньшинства.

"Не убий, - гласил, например, закон Моисеев, - не укради, не лжесвидетельствуй". Но к этим прекрасным правилам поведения он прибавлял также: "Не пожелай жены ближнего твоего, ни раба его, ни осла его, - и этим самым узаконял надолго рабство и ставил женщину на один уровень с рабом или вьючным живстным.

"Люби ближнего твоего", - говорило позднее христианство и тут же спешило прибавить устами апостола Павла: "Рабы да повинуются господам своим" и "Несть власти аще не от Бога", - узаконяя таким образом, обожествляя разделение на господ и рабов и освящая негодяев, царивших тогда в Риме.

Самые евангелия, проповедуя высшую идею просвещения, которая является главною сутью христианства, говорят, однако, все время о боге-мстителе и проповедуют этим месть.

То же самое было в сводах законов так называемых варваров - галлов, лангобардов, германцев, саксонцев, славян - после падения Римской империи. Они узаконяли, несомненно, хороший обычай, распространившийся в это время: обычай платить вознаграждение за нанесение раны или убийство вместо того, чтобы практиковать бывший в ходу закон возмездия (око за око, зуб за зуб, рана за рану, смерть за смерть). Таким образом, варварские законы представляли собой прогресс по сравнению с законом возмездия, господствовавшим в родовом быту. Но в то же время они установили также деление свободных людей на классы, которое в эту эпоху намечалось.

Такое-то вознаграждение, говорили эти своды законов, следует платить за раба (оно платилось его господину), такое-то за свободного человека и такое-то за начальника - в этом случае вознаграждение было так велико, что для убийцы обозначало рабство до самой смерти. Первоначальной мыслью этих различий было, без сомненья, то, что семья князя, убитого в драке, теряла в нем гораздо больше, чем семья простого свободного человека в случае смерти своего главы; поэтому она имела право, по тогдашним взглядам, на большее вознаграждение, чем последняя. Но обращая этот обычай в закон, узаконялось этим навсегда деление людей на классы и узаконялось так прочно, что до сих пор мы не можем отделаться от этого.

То же самое мы встречаем в законодательстве всех времен, вплоть до наших дней: притеснение предыдущей эпохи всегда переносится посредством закона на последующие эпохи. Несправедливость Персидской империи передалась Греции; несправедливость Македонии перешла к Риму; насилие и жестокость Римской империи и восточных тираний передались молодым зарождавшимся варварским государствам и христианской церкви. Так налагает прошедшее, посредством закона, свои цепи на будущее.

Все необходимые гарантии для жизни в обществах, все формы жизни в родовом быту, в сельской общине и средневековом городе, все формы отношений между отдельными племенами и позднее между республиками-городами, послужившие впоследствии основанием для международного права, - одним словом, все формы взаимной поддержки и защиты мира, включая сюда суд присяжных, были созданы творческим гением безымянной толпы - между тем как все законы, от самых древних до наших дней, состояли всегда из следующих двух элементов: первый утверждал и закреплял известные обычные формы жизни, признанные всеми полезными, а второй являлся приставкой, часто даже простой, но хитрой манерой выразить словами существующий обычай; но эта приставка всегда имела целью насадить или укрепить зарождавшуюся власть господина, воина, царька и священника, укрепить и освятить их власть, их авторитет.

Именно к этому нас приводит научное изучение развития обществ - изучение, проделанное в течение последних сорока лет многими добросовестными учеными. Правда, очень часто ученые сами

не осмеливались формулировать столь еретические заключения, как приведенные выше. Но вдумчивый читатель придет неизбежно к тому же, читая их работы.

ПОЛОЖЕНИЕ УЧЕНИЯ ОБ АНАРХИИ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

Какое положение занимает анархия в великом умственном движении 19-го века?

Ответ на этот вопрос намечается уже тем, что было сказано в предыдущих главах. Анархия есть миросозерцание, основанное на механическом понимании явлений, охватывающее всю природу, включая сюда и жизнь человеческих обществ. Ее методы исследования - метод искусственных наук; этим методом должно быть проверено каждое научное положение. Ее тенденция - основать синтетическую философию, т.е. философию, которая охватывала бы все явления природы, включая сюда и жизнь человеческих обществ и их экономические, политические и нравственные вопросы, но не впадая, однако, в ошибки, сделанные Контом и Спенсером вследствие вышеуказанных причин.

Очевидно, что анархия поэтому необходимо должна дать на все вопросы, поставленные современной жизнью, другие ответы и занять иную позицию, чем все политические, а также, до известной степени, и социалистические партии, которые еще не отделались от старых метафизических верований.

Конечно, выработка полного механического понятия природы и человеческих обществ едва началась в его социологической части, изучающей жизнь и развитие общества. Однако то немногое, что было сделано, носит уже - иногда, впрочем, бессознательно - характер, который мы только что указали. В философии права, в теории нравственности, в политической экономии и в изучении истории народов и учреждений анархисты уже доказали, что они не будут довольствоваться метафизическими заключениями, а будут искать естественнонаучное обоснование для своих заключений.

Они отказываются подчиняться метафизике Гегеля, Шеллинга или Канта, считаться с комментаторами римского права и церковного права, с учеными профессорами государственного права и с политической экономией метафизиков, - и они стараются отдать себе ясный отчет во всех вопросах, поднятых в этих областях знания, основываясь на массе работ, сделанных в течение этих последних сорока или пятидесяти лет, с точки зрения натуралиста.

Подобно тому; как метафизические понятия о "всемирном духе", "созидательной силе природы", "любовном притяжении материи", "воплощении идеи", "цели природы и смысле ее существования", о "непознаваемом", "человечестве", понимаемом в смысле существа, одухотворенного "дуновением духа", и тому подобные понятия отброшены ныне философией материалистической (механической или, скорее, кинетической), а зачатки обобщений, скрывающихся позади этих слов, переводятся на конкретный язык фактов, - так точно мы пробуем поступать, когда обращаемся к фактам общественной жизни.

Когда метафизики желают убедить натуралиста, что умственная и чувственная жизнь человека развивается согласно "имманентным законам духа", натуралист пожимает плечами и продолжает терпеливо заниматься своим изучением жизненных, умственных и чувственных

явлений, чтобы доказать, что все они могут быть сведены к физическим и химическим явлениям. Он старается открыть их естественные законы.

Точно также же, когда анархисту говорят, что согласно Гегелю всякая эволюция представляет собой "тезис, антитезис и синтезис", или что "право имеет целью водворение справедливости, которая является материальным овеществлением высших идей", или когда у него спрашивают, какова, по его мнению, "цель жизни", анархист тоже пожимает плечами и спрашивает себя: "Как это возможно, что, несмотря на современное развитие естественных наук, находятся еще старики, продолжающие верить в эти "жупелы", и отсталые люди, говорящие языком примитивного дикаря, который "очеловечивал" природу и представлял ее себе как нечто, управляемое существами человеческого вида?"

Анархисты не поддаются таким "звучным словам", потому что знают, что эти слова служат всегда прикрытием или незнания - то есть незаконченного исследования, - или, что еще хуже, суеверия. Поэтому, когда им говорят такие слова, они проходят мимо, не останавливаясь; они продолжают свое изучение общественных понятий и учреждений прошлого и настоящего, следуя естественнонаучному методу. И они находят, очевидно, что развитие жизни человеческих обществ в действительности бесконечно сложнее (и интереснее для практических целей), чем можно было бы думать, если судить по этим формулам.

Мы много слышали за последнее время о диалектическом методе, который рекомендуют нам социал-демократы для выработки социалистического идеала. Мы совершенно не признаем этого метода, который также не признается ни одной из естественных наук. Для современного натуралиста этот "диалектический метод" напоминает что-то давно прошедшее, пережитое и, к счастью, давно уже забытое наукой. Ни одно из открытий девятнадцатого века - в механике, астрономии, физике, химии, биологии, психологии, антропологии - не было сделано диалектическим методом. Все они были сделаны естественно-научным индуктивным методом. И так как человек есть часть природы, а его личная и общественная жизнь есть также часть природы, как и рост цветка или развитие общественной жизни у муравьев и пчел, то нет основания, переходя от цветка к человеку или от поселения бобров к человеческому городу, оставлять метод, который до сих пор так хорошо служил нам, и искать другой в арсенале метафизики.

Индуктивный метод, употребляемый нами в естественных науках, так хорошо доказал свою силу, что девятнадцатый век мог двинуть науки в течение ста лет дальше, чем они подвинулись в течение двух предыдущих тысячелетий. И когда, во второй половине 19-го века, его начали прилагать к изучению человеческих обществ, то нигде не встретилось ни одного пункта, где было бы необходимо отбросить его и вернуться к средневековой схоластике, возрожденной Гегелем.

И вот вопрос, который ставит себе анархия, мог бы быть выражен следующими словами: "Какие общественные формы лучше обеспечивают в данном обществе и, следовательно, в человечестве вообще наибольшую сумму счастья, а потому и наибольшую сумму жизненности?" - "Какие формы общества позволяют лучше этой сумме счастья расти и развиваться качественно и количественно; то есть позволяют счастью стать более полным и более общим?" Это, между

прочим, дает нам формулу прогресса. Желание помочь эволюции в этом направлении определяет характер общественной, научной, артистической и т.д. деятельности анархиста.

АНАРХИЯ

В силу различных исторических, политических и экономических данных, а также в силу уроков новейшей истории, у анархистов сложился... свой взгляд на общество, совершенно иной, чем у всех политических партий, стремящихся к захвату политической власти в свои руки.

Мы представляем себе общество в виде организма, в котором отношения между отдельными его членами определяются не законами, наследием исторического гнета и прошлого варварства, не какими бы то ни было властителями, избранными или же получившими власть по наследию, а взаимными соглашениями, свободно состоявшимися, равно как и привычками и обычаями, также свободно признанными. Эти обычаи, однако, не должны застывать в своих формах и превращаться в нечто незыблемое под влиянием законов или суеверий. Они должны постоянно развиваться, применяясь к новым требованиям жизни, к прогрессу науки и изобретений и к развитию общественного идеала, все более разумного, все более возвышенного.

Таким образом - никаких властей, которые навязывают другим свою волю, никакого владычества человека над человеком, никакой неподвижности в жизни, а вместо того - постоянное движение вперед, то более скорое, то замедленное, как бывает в жизни самой природы. Каждому отдельному лицу предоставляется, таким образом, свобода действий, чтобы оно могло развить все свои естественные способности, свою индивидуальность, т.е. все то, что в нем может быть своего, личного, особенного. Другими словами - никакого навязывания отдельному лицу каких бы то ни было действий под угрозой общественного наказания или же сверхестественного мистического возмездия: общество ничего не требует от отдельного лица, чего это лицо само не согласно добровольно в данное время исполнить. Наряду с этим - полнейшее равенство в правах для всех.

Мы представляем себе общество равных, не допускающих в своей среде никакого принуждения; и, несмотря на такое отсутствие принуждения, мы нисколько не боимся, чтобы в обществе равных вредные обществу поступки отдельных его членов могли бы принять угрожающие размеры. Общество людей свободных и равных сумеет лучше защитить себя от таких поступков, чем наши современные государства, которые поручают защиту общественной нравственности полиции, сыщикам, тюрьмам - т.е. университетам преступности, - тюремщикам, палачам и судам. В особенности сумеет оно предупреждать самую возможность противообщественных поступков путем воспитания и более тесного общения между людьми.

Ясно, что до сих пор еще не существовало общества, которое применяло бы на деле эти основные положения. Но во все времена в человечестве было стремление к их осуществлению. Каждый раз, когда некоторой части человечества удавалось хоть на время свергнуть угнетавшую его власть или же уничтожить укоренившиеся неравенства (рабство, крепостное право, самодержавие, владычество известных каст или классов), всякий раз, когда новый луч свободы и равенства проникал в общество, всегда народ, всегда угнетенные

старались хотя бы отчасти провести в жизнь только что указанные основные положения.

Потому мы вправе сказать, что анархия представляет собой известный общественный идеал, существенно отличающийся от всего того, что до сих пор восхвалялось большинством философов, ученых и политиков, которые все хотели управлять людьми и давать им законы.

Однако было бы ошибочно сказать, что анархический идеал общества представляет собой утопию. Всякий идеал представляет стремление к тому, что еще не осуществлено, тогда как слову "утопия" в обыденной речи придается значение чего-то неосуществимого.

В сущности, слово "утопия" должно было бы применяться только к таким представлениям об обществе, которые основаны лишь на том, что писателю представляется теоретически желательным, и никогда не должно прилагаться к представлениям, основанным на наблюдении того, что уже совершается в обществе. Таким образом, в число утопий должны быть включены: Республика Платона, Всемирная Церковь, о которой мечтами папы, наполеоновская Империя, мечтания Бисмарка, мессианизм поэтов, ожидающих появления Спасителя, который возвестит миру великие идеи обновления. Но совершенно ошибочно применять слово "утопия" к предвидениям, которые, подобно анархии, основаны на изучении направлений, уже обозначающихся в обществе в его теперешнем развитии. Здесь мы выходим из области утопических мечтаний и вступаем в область положительного знания - научного предвидения.

В данном случае тем более ошибочно говорить об утопии, что отмеченные нами стремления играли уже не раз чрезвычайно важную роль в истории человечества, потому что именно они послужили

основанием для так называемого обычного права - права, господствовавшего в Европе среди миллионов людей с пятого по шестнадцатое столетие. Эти стремления стали теперь вновь появляться в образованных обществах, после того, как в течение трех столетий Европа производила у себя опыты с государственною формою общежития. И на этом наблюдении, важность которого не ускользает от внимания всякого, кто изучал историю цивилизации, основывается наша уверенность в том, что анархия представляет собою идеал возможный, осуществимый.

Нам, конечно, говорят, что от идеала далеко до его осуществления. Несомненно так. Но не мешает помнить, что в конце 18-го столетия, в то самое время, когда созидались Соединенные Штаты Северной Америки, среди очень умных людей в Европе желание создать известной величины общество с республиканским строем правления считалось бессмыслицей: республика, говорили тогда, может существовать только маленькая, как Швейцария или Штаты Голландии. А между тем республики Северной и Южной Америки, а затем Франции доказали, что "утописты" были не со стороны республиканцев, а со стороны монархистов.

"Утопистами" были всегда те, кто в силу своих личных желаний не хотел принимать во внимание новые, уже намечавшиеся тенденции, новые направления; те, кто приписывал слишком большую устойчивость тому, что уже стало достоянием прошлого, не замечая, что это прошлое было последствием преходящих исторических условий, заменившихся новыми условиями жизни.

Как мы уже сказали, анархисты основывают свои предвидения будущего на данных, добытых путем наблюдения.

В самом деле, если мы будем разбирать направления мысли, преобладающие в образованных обществах с конца восемнадцатого века, мы должны признать, что направление централистское и государственное еще очень сильно среди духовенства, буржуазии и тех рабочих, которые получили буржуазное образование и сами стремятся войти в буржуазию; тогда как направление противогосударственное, противоцентралистское и противовоенное, так же как и учение о свободном соглашении, имеет многочисленных сторонников среди рабочих и среди хорошо образованной, более или менее свободомыслящей части интеллигентной буржуазии.

В самом деле, как я на это уже указывал в моих работах

("Хлеб и Воля", "Взаимопомощь"), в настоящее время замечается сильное стремление к созиданию, помимо государства и церкви, тысяч и тысяч небольших союзов для удовлетворения всевозможных потребностей; экономических (железнодорожные общества, рабочие синдикаты и синдикаты предпринимателей, кооперативы, товарищества земледельческие, для вывоза продуктов и т.д.), политических, умственных, художественных, воспитательных, для пропаганды и так далее. То, что прежде было неоспоримо обязанностью государства и церкви, теперь составляет отрасль деятельности свободных организаций. Это направление делается все более и более видимым. Достаточно было, чтобы дуновение свободы немного обуздало церковь и государство, чтобы свободные организации начали появляться тысячами. И можно предвидеть, что, как только права этих двух вековых врагов будут еще более ограничены, сейчас же еще шире разовьют свою деятельность свободные организации.

Будущее и прогресс лежат в этом направлении, а анархия есть выражение того и другого.

Что же касается тех средств, при помощи которых могла бы произойти эта перемена, то тут анархисты находятся в полном противоречии со всеми фракциями социалистов-государственников. Они отрицают возможность решить эту задачу при помощи государственного капитализма, т.е. захвата государством всего общественного производства или же его главных отраслей. Передача почты, железных дорог, рудников, земли в руки современного государства, т.е. в управление назначаемых парламентом министров и их чиновничьих канцелярий, не является для нас идеалом.

Нам нужно обратиться к той части европейских и американских обществ, где мы находим ясно выраженное направление организоваться вне государства и заменять его все более и более, захватывая, с одной стороны, важные экономические функции, а с другой стороны - функции, которые государство действительно продолжает рассматривать как свои, но которые оно никогда не могло выполнять надлежащим образом.

Церковь имеет своей целью удержать народ в умственном рабстве. Цель государства - держать его в полуголодном состоянии, в экономическом рабстве. Мы стремимся теперь стряхнуть с себя оба эти ярма.

Зная это, мы не можем считать все растущее подчинение государству гарантией прогресса. Учреждения не меняют своего характера по желанию теоретиков. Поэтому мы ищем прогресса в наиболее полном освобождении личности, в самом широком развитии инициативы личности и общества, и в то же время - в ограничении отправлений государства, а не в расширении их.

Мы представляем себе дальнейшее развитие как движение прежде всего к уничтожению правительственной власти, которая насела на общество, особенно начиная с XVI века, и не переставала с тех пор увеличивать свои отправления; во-вторых, к развитию, насколько возможно широкому, элемента соглашения, временного договора и в то же время независимости всех групп, которые возникают для определенной цели и покроют своими союзами все общество. Вместе с этим мы представляем себе строение общества как нечто, никогда не принимающее окончательной формы, но всегда полное жизни и потому меняющее свою форму, сообразно потребностям каждого

момента.

Такое понимание прогресса, а также наше представление о том, что желательно для будущего (все, что способствует увеличению суммы счастья для всех); необходимо приводит нас к выработке для борьбы своей тактики; и состоит она в развитии наибольшей возможной личной инициативы в каждой группе и в каждой личности, причем единство действия достигается единством цели и силой убеждения, которую имеет каждая идея, если она свободно выражена, серьезно обсуждена и найдена справедливой.

Это стремление кладет свою печать на всю тактику анархистов и на внутреннюю жизнь каждой из групп.

Мы утверждаем, что работать для пришествия государственного капитализма, централизованного в руках правительства и сделавшегося потому всемогущим, значит работать против уже обозначившегося направления современного прогресса, ищущего новых форм организации общества вне государства.

Мы идем даже дальше. Мы утверждаем, что пока социалисты-государственники не оставят своего идеала социализации орудий труда в руках централизованного государства, неизбежным результатом их попыток в направлении государственного капитализма и социалистического государства будет провал их мечтаний и военная диктатура.

Не входя в дальнейшее обсуждение принципов анархизма и анархической программы действий, сказанного вероятно уже достаточно для того, чтобы определить место, занимаемое анархией в ряду современных человеческих знаний.

Анархия представляет собой попытку приложить обобщения, полученные индуктивно-дедуктивным методом естественных наук, к оценке человеческих учреждений. Она является также попыткой угадать на основании этой оценки, по каким путям пойдет человечество к свободе, равенству и братству, чтобы получить наибольшую возможную сумму счастья для каждой из единиц в человеческих обществах.

Анархизм есть неизбежный результат того умственного движения в естественных науках, которое началось к концу восемнадцатого века, было замедлено торжествующей реакцией в Европе после краха французской революции и началось вновь в полном расцвете своих сил в конце пятидесятых годов. Корни анархизма - в естественнонаучной философии восемнадцатого века. Но он мог получить свое полное обоснование лишь после возрождения наук, имевшего место в начале второй половины 19-го века и давшего новый толчок к изучению человеческих учреждений и обществ на естественнонаучной основе.

Так называемые "научные законы", которыми довольствовались германские метафизики 1820 и 1830 годов, не находят себе места в анархическом мировоззрении, которое не признает никакого другого метода, кроме естественнонаучного. И анархизм прилагает этот метод ко всем наукам, известным вообще под именем гуманитарных наук.

Пользуясь этим методом и всеми исследованиями, сделанными за последнее время под его влиянием, анархизм старается построить совокупность всех наук, касающихся человека, и пересмотреть все ходячие представления о праве, справедливости и т.д. на основании данных, уже полученных последними этнологическими исследованиями,

распространяя их далее. Опираясь на труды своих предшественников восемнадцатого века, анархизм стоит за личность против государства, за общество против власти, которая в силу исторических условий господствует над ним.

ГОСУДАРСТВО, ЕГО РОЛЬ В ИСТОРИИ

...Известно, что в Германии существует целая школа писателей, которые постоянно смешивают государство с обществом. Такое смешение встречается даже у серьезных немецких мыслителей, а также и у многих французских писателей, которые не могут представить себе общество без государственного подавления личной и местной свободы. Отсюда и возникает обычно обвинение анархистов в том, что они хотят "разрушить общество" и проповедуют "возвращение к вечной войне каждого со всеми".

А между тем такое смешение двух совершенно разных понятий, "государство" и "общество", идет вразрез со всеми приобретениями, сделанными в области истории в течение последних пятидесяти лет; это значит забывать, что люди жили обществами многие тысячи лет, прежде чем создались государства, и что среди современных европейских государств есть явление недавнего происхождения, развившееся лишь с шестнадцатого столетия, причем самыми блестящими эпохами в жизни человечества были именно те, когда местные вольности и местная жизнь еще не были задавлены государством и когда массы людей жили в общинах и вольных городах.

Государство есть лишь одна из тех форм, которые общество принимало в течение своей истории. Каким же образом можно смешивать постоянное с случайным - понятие об обществе с понятие о государстве?

"Если у вас есть какие-нибудь общие нужды в городе или деревне, обращайтесь с ними к церкви или к государству. Но вам строго воспрещается соединяться вместе непосредственно и заботиться о них самим". Эти слова раздаются по всей Европе, начиная с шестнадцатого столетия.

Уже в указе английского короля Эдуарда III, обнародованном в конце 14-го столетия, сказано, что "все союзы, товарищества, организованные общества, статуты и присяги, уже установленные или имеющие быть установленными среди плотников и каменщиков, отныне будут считаться недействительными и упраздненными". Но когда восстания городов и другие народные движения были подавлены и государство почувствовало себя полным хозяином, оно решилось наложить руку на все, без исключения , народные учреждения (гильдии, братства и т.д.), которые соединяли до тех пор и ремесленников, и крестьян. Оно прямо уничтожило их и конфисковало их имущество.

Особенно ясно это видно в Англии, где существует масса документов, отмечающих каждый шаг этого уничтожения. Мало-помалу государство накладывает руку на гильдии и братства, оно давит их все сильнее и сильнее. Оно постоянно отменяет сначала их союзы, потом их празднества, их суды, их старшин, которых оно заменило своими собственными чиновниками и судьями. Затем, в начале шестнадцатого века, при Генрихе VIII, государство уже прямо и без всяких церемоний конфискует имущества гильдий. Наследник

"великого" протестанского короля Эдуард VI докончил работу своего отца.

Это был настоящий дневной грабеж, "без всякого оправдания", как совершенно верно говорит Торольд Роджерс. И этот самый грабеж так называемые "научные" экономисты выдают нам теперь за "естественную" смерть гильдий в силу "экономических законов".

И в самом деле, могло ли государство терпеть ремесленные гильдии и корпорации, с их торговлей, с их собственным судом, собственной милицией, казной и организацией, скрепленной присягой? Для государственных людей они были "государством в государстве"! Настоящее государство было обязано раздавить их; и оно, действительно, раздавило их повсюду - в Англии, в Германии, в Богемии, в России, сохранивши от них лишь внешнюю форму, удобную для его фискальных целей и составляющую просто часть огромной административной машины.

Удивительно ли после этого, что гильдии и ремесленные союзы, лишенные всего того, что прежде составляло их жизнь, и подчиненные королевским чиновникам, ставши при этом частью администрации, превратились в 18-м столетии лишь в бремя, в препятствие для промышленного развития - вместо того, чтобы быть самой сущностью его, какой они были за четыреста лет до того? Государство убило их.

В самом деле, оно не только уничтожило ту независимость и самобытность, которые были необходимы для жизни гильдий и для защиты их от вторжения государства; оно не только конфисковало все богатства и имущества гильдий: оно вместе с тем присвоило себе и всю их экономическую жизнь.

Когда внутри средневекового города случалось столкновение промышленных интересов или когда две гильдии не могли прийти к обоюдному соглашению, - за разрешением спора не к кому было больше обратиться, как ко всему городу. Спорящие стороны бывали принуждены сойтись на чем-нибудь, найти какой-нибудь компромисс, потому что все гильдии города были заинтересованы в этом. И такую сделку находили; иногда, в случае нужды, в качестве третейского судьи приглашался соседний город.

Отныне единственным судьей являлось государство. По поводу каждого мельчайшего спора в каком-нибудь ничтожном городке в несколько сот жителей в королевских и парламентских канцеляриях скоплялись вороха бесполезных бумаг и кляуз. Английский парламент, например, был буквально завален тысячами таких мелких местных дрязг. Пришлось держать в столице тысячи чиновников (большею частью продажных), чтобы сортировать, читать, разбирать все эти бумаги и постановлять по ним решения; чтобы регулировать и упорядочивать ковку лошадей, беление полотна, соление селедок, деланье бочек и т.д. до бесконечности... а кучи дел все росли и росли!

Но и это было еще не все. Скоро государство наложило свою руку и на внешнюю торговлю. Оно увидело в ней средство к обогащению и поспешило захватить ее. Прежде, когда между городами возникало какое-нибудь разногласие по поводу стоимости вывозимого сукна, чистоты шерстиили вместимости бочонков для селедок, города сносились по этому поводу между собой. Если спор затягивался, они обращались к третьему городу и призывали его в третейские судьи (это случалось сплошь да рядом); или же созывался особый съезд гильдий ткачей или бочаров, чтобы прийти к международному соглашению насчет качества и стоимости сукна или вместимости

бочек.

Теперь явилось государство, которое взялось решать все эти споры из одного центра, из Парижа или из Лондона. Оно начало предписывать через своих чиновников объем бочек, качество сукна; оно учитывало число ниток и их толщину в основе и утке; оно начало вмешиваться своими распоряжениями в подробности каждого ремесла.

Результаты вам известны. Задавленная этим контролем промышленность в 18-м столетии вымирала. Куда, в самом деле, девалось искусство Бенвенуто Челлини под опекой государства? - Оно умерло! - А что сталось с архитектурой тех гильдий каменщиков и плотников, произведениями которых мы удивляемся до сих пор? - Стоит лишь взглянуть на уродливые памятники государственного периода, чтобы сразу ответить, что архитектура замерла, замерла настолько, что и до сих пор еще не может оправиться от удара, нанесенного ей государством.

Что стало с брюжскими полотнами, с голландскими сукнами? Куда девались те кузнецы, которые умели так искусно обращаться с железом, что чуть ли не во всяком европейском городке из-под их рук выходили изящнейшие украшения из этого неблагородного металла? Куда девались токари, часовщики, те мастера, которые создали в средние века славу Нюренберга своими точными инструментами? Вспомните хотя бы Джемса Уатта, который в конце восемнадцатого века напрасно искал в течение тридцати лет работника, умеющего выточить точные цилиндры для его паровой машины; его мировое изобретение в течение тридцати лет оставалось грубой моделью за неимением мастеров, которые могли бы сделать по ней машину.

Таковы были результаты вмешательства государства в промышленность. Все, что оно умело сделать, - это придавить, принизить работника, обезлюдить страну, посеять нищету в городах, довести миллионы людей в деревнях до голодания - выработать систему промышленного рабства!

Но разве только одни рабочие подверглись этой участи? Вспомните о той борьбе, которую пришлось выдержать с государством

буржуазии, чтобы добиться права образовывать торговые общества, - права, которые государство предоставило ей только тогда, когда увидело в таких обществах способ создания монополии в пользу своих служителей и пополнять свою казну. А борьба за то, чтобы сметь говорить, писать или даже думать не так, как велит государство посредством своих академий, университетов и церкви! А борьба, которую пришлось выдержать за то, чтобы иметь право учить детей хотя бы только грамоте, - право, которое государство оставляет за собой и которым оно не пользуется! А право даже веселиться сообща? Я уже не говорю о выборных судьях или о том, что в средние века человеку очень часто предоставлялось самому выбирать, у какого судьи он желает судиться и по какому закону. И я не говорю также о той борьбе, которая еще предстоит нам, прежде чем наступит день, когда будет сожжена книга возмутительных наказаний, порожденных духом инквизиции и восточных деспотий, - книга, известная под названием Уголовного Закона!

Или посмотрите на систему налогов - учреждение чисто государственного происхождения, являющееся могучим орудием в руках государства, которое пользуется им как во всей Европе, так и в молодых республиках Соединенных Штатов Америки, для того чтобы держать под своею пятою массы населения, доставлять выгоды своим сторонникам, разорять большинство в угоду правящему меньшинству и поддерживать старые общественные деления, старые касты.

Подумайте затем о войнах, без которых государство не может ни образоваться, ни существовать, - войны, которые делаются фатальными, неизбежными, как только мы допустим, что известная местность (только потому, что она составляет одно государство) может иметь интересы, противоположные интересам соседних местностей, составляющих часть другого государства. Подумайте только о прошлых войнах и будущих, которые грозят нам и которые покоренные народы принуждены будут вести, чтобы завоевать себе право дышать свободно; о войнах за торговые рынки, о войнах для создания колониальных империй. А мы все знаем слишком хорошо по Франции, какое рабство несет с собой война, все равно, кончается она победой или поражением.

Но из всех перечисленных мною зол едва ли не самое худшее - это воспитание, которое нам дает государство как в школе, так и в последующей жизни. Государственное воспитание так извращает наш мозг, что само понятие о свободе в нас исчезает и заменяется понятиями рабскими.

Зависит это от того, что в молодых умах всегда искусно

развивали, и до сих пор развивают, дух добровольного рабства, с целью упрочить навеки подчинение подданного государству. Философию, проникнутую любовью к свободе, всячески стараются задушить ложною религиозно-государственною философией. Историю извращают, начиная уже с самой первой страницы, где рассказывают басни о меровингских, каролингских и рюриковских династиях, и до самой последней, где воспевается якобинство, а народ и его роль в создании общественных учреждений обходится молчанием. Даже естествознание ухитряются извратить в пользу двуголового идола, церкви и государства; а психологию личности, и еще больше общества, искажают на каждом шагу, чтобы оправдать тройственный союз - из солдата, попа и палача. Даже теория нравственности, которая в течение целых столетий проповедовала повиновение церкви или той или другой якобы священной книге, освобождается теперь от этих пут только затем, чтобы проповедавать повиновение государству. "У вас нет никаких прямых обязанностей по отношению к вашему ближнему, в вас нет даже чувства взаимности; все ваши обязанности - обязанности по отношению к государству; без государства вы перегрызли бы друг другу горло, - учит нас эта новая религия, называющая себя "научною", в то время как она молится все тому же престарому римскому или кесарскому божеству. - Сосед, друг, общинник, согражданин, ты должен забыть все это! ты должен сноситься с другими не иначе как через посредство одного из органов твоего государства. И все вы должны упражняться в одной добродетели: учиться быть рабами государства. Государство - твой бог!"

РАБЫ ГОСУДАРСТВА

...Теперь государство налагает, например, на всех граждан обязательное обучение. Вещь в сущности прекрасная, если смотреть на нее с точки зрения права ребенка идти в школу, когда родители хотят удержать его дома для работы, посылают работать на фабрику или даже учиться у невежественной монахини. Но в действительности - во что превратилось теперь обучение, даваемое в первоначальной школе? Ребенку набивают голову целой кучей учений, сочиненных именно для того, чтобы обеспечить право государства над гражданином; чтобы оправдать монополии, даваемые государством над целыми классами граждан; чтобы внушить детям, что судебное преследование, производимое обществом, есть высшая справедливость и что завоеватели были величайшие люди человечества! Государственное обучение, достойное наследие иезуетского воспитания, есть усовершенствованный способ убить всякий дух личного почина и независимости и научить ребенка рабству мысли и действия.

А когда ребенок вырастет, государство явится за тем, чтобы принудить его к обязательной воинской повинности, и предпишет ему, кроме того, различные работы для коммуны и для государства, в случае нужды. Наконец, при помощи налогов оно заставит каждого гражданина произвести громадную массу работы для государства, а также для фаворитов государства, все время заставляя его думать, что это он сам добровольно подчиняется государству, что это он сам распоряжается через своих представителей деньгами, поступающими в государственную казну.

Сравните только обязанность военной службы в той форме, как

она существует сейчас, в наши дни, с тем, что она была в прошедшие века, - и вы будете поражены тем, насколько выросла эта обязанность по отношению к государству, под предлогом равенства.

Никогда крепостной в средние века не позволял лишать себя человеческих прав до такой степени, как современный человек, который отказывается от них добровольно, просто по духу добровольного рабства. В двадцать лет, то есть в возрасте, когда человек жаждет свободы и склонен даже "злоупотреблять" этой свободой, молодой человек смиренно позволяет запереть себя на два или три года в казарму, где он разрушает свое физическое, умственное и моральное здоровье. Почему? Зачем?... Затем, чтобы изучить ремесло, которое швейцарцы изучают в шесть недель, а буры изучили лучше, чем европейские армии, в процессе работы по расчистке девственной земли, объезжая свои прерии верхом.

Он не только рискует своею жизнью, но в своем добровольном рабстве он идет дальше, чем раб. Он позволяет своим начальникам контролировать его любовные дела, он бросает свою любимую женщину, дает обет целомудрия и гордится тем, что повинуется, как автомат, своим начальникам, хотя он не может ни судить, ни знать их военные таланты, ни даже их честность. Какой крепостной в средние века, кроме разве прислуги, следовавшей за военными сзади с обозом, согласился бы идти на войну на таких условиях, которым современный крепостной, одурелый от идеи дисциплины, подчиняется по своей доброй воле? Да что говорить! Крепостные рабы двадцатого века подчиняются даже ужасам и безобразиям исправительного батальона в Африке (Бириби) без всякого протеста с своей стороны!

Если государство при помощи воинской повинности, народного образования, при помощи церкви и тысячи своих чиновников обладает уже колоссальной властью над своими подданными, то эта власть еще усиливается при помощи налогов.

Безвредный вначале, даже может быть благославляемый самими плательщиками, когда он заменил принудительные работы, налог становится ныне все более и более тяжелым бременем. Теперь налог - могучее орудие, обладащее тем большей силой, что он скрывается под тысячью форм и что правители сознают его силу и способность управлять всею экономической и политической жизнью общества. Ибо те, кто стоят у власти, пользуются теперь налогами не только затем, чтобы получать свои жалованья, но и в особенности затем, чтобы создавать и разрушать состояния, накоплять громадные богатства в руках немногих привелигированных, чтобы создавать монополии, разорять народ и все это происходит так, что плательщики и не догадываются даже о той власти, которую они дали в руки своему правительству.

Какое количество труда дает каждый из нас государству? Ни один экономист не попытался оценить число трудовых дней, которые рабочий на полях и на заводах отдает каждый год этому вавилонскому идолу, так что мы напрасно стали бы искать в трактатах политической экономики хотя бы приблизительной оценки того, что человек, производящий богатства, отдает государству из своего труда. Простая оценка, основанная на бюджетах государства, губерний, волостей и общин (которые также участвуют в расходах государства), ничего бы не сказала нам, потому что необходимо оценить не то, что входит в кассы казначейства, но то, что уплата каждого рубля, внесенного в казначейство, представляет собой из

фактических расходов, произведенных плательщиком. Все, что мы можем сказать, это то, что количество труда, отдаваемого каждый год производителем государству, огромно. Это количество должно достигнуть - и для некоторых классов намного превзойти - три дня работы в неделю, которые крепостной раб отдавал некогда своему господину.

Что же касается до косвенных налогов, мы знаем не только, что особенно задеваются этим налогом предметы, потребляемые всеми (другие - меньше), но также что всякое увеличение на несколько копеек налога на напитки, на кофе или хлеб отражается гораздо большим увеличением на ценах, платимых потребителем.

Сколько же дней труда в год представляют собой все эти налоги? Разве не вполне вероятно, что, подсчитав итог, мы увидим, что современный рабочий работает более для государства, чем даже крепостной раб некогда работал на своего господина?

Это так просто! Достаточно, например, увеличить на несколько копеек налоги, платимые крестьянином на каждую лошадь, телегу, корову и т.д., чтобы сразу разорить десятки тысяч земледельческих хозяйств. Те, кто уже с большим трудом едва-едва сводят концы с концами и кого малейший удар может окончательно разорить и отправить в ряды пролетариата, гибнут на этот раз от самого ничтожного увеличения налогов. Они продают свои участки земли и уходят в города, предлагая свой труд владельцам фабрик и заводов. Другие продают лошадь и с удвоенным усердием начинают работать лопатой, надеясь еще поправить свое положение. Но новое увеличение налогов, неизбежно вводимое через несколько лет, добивает их до конца, и они становятся также пролетариями.

@@@@@@@@@@@@@@@@@@@@@@@@@@@@@@@@@@@@@@@

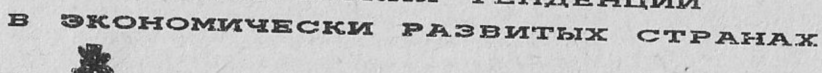
ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

9 декабря 1993 года на Измайловском пр., д.8 в С.-Петербурге состоялась научно-практическая конференция, посвященная 151-й годовщине со дня рождения знаменитого русского мыслителя П.А.Кропоткина. На конференции, организованной С.-Петербургским ИК Союза Вольных Тружеников, присутствовали представители различных партий и движений. В своих докладах и выступлениях присутствующие выразили общее мнение о том, что критический пафос учения Кропоткина остается весьма актуальным и сегодня, когда увеличиваются государственно-бюрократический аппарат, укрепляются силовые структуры государства, увеличиваются налоги.

На конференции

Русаков А.Ю. - кандидат философских наук

Особенности проявления анархических тенденций в экономически развитых странах

Главной отличительной чертой проявления анархических тенденций на Западе является то, что сегодня в большей степени используется созидательный нежели разрушительный потенциал анархизма.

Тщательный анализ структурных изменений в социально-экономической сфере экономически развитых стран показывает, что политика демонополизации, децентрализации и приватизации расширила возможности для конкуренции между немонополистическими и монополистическими секторами экономики, дала простор для развития индивидуальной и некоторых коллективных форм собственности.

Целый ряд анархических идей, проявляющихся ранее как протест на излишнюю монополизацию и регламентацию, осуществляется на практике или используется сегодня для принятия конкретных решений.

Цель, провозглашенная анархизмом, - сочетание порядка и свободы, уничтожение господства и подчинения между людьми, отрицание любой иерархической структуры власти, представлялась в условиях наличия монополий, ТНК, увеличения их мощи и влияния в капиталистическом обществе не реалистичной. Внутри корпораций и фирм постоянно увеличивалась роль и функции управления организации производства, что служило причиной роста дальнейшей дифференциации между управляющими и управляемым внутри предприятий. Упрощенный анализ этих процессов мог привести к выводу, что этот разрыв будет увеличиваться. Но логика процессов происходящих в обществе такова, что при определенных условиях сила и мощь могут перейти в свою противоположность, а наиболее надежные системы при изменении условий чаще дают сбой в работе. Переход приоритетов от массовости и серийности к индивидуальному и субъективному не прошел бесследно для капиталистической экономики. Могучие, но неповоротливые "голиафы" индустрии все чаще стали с опаской поглядывать на мелких, но более ловких собственников-"давидов".

Кроме этого крупные корпорации, монополии, ТНК, предприятия госсектора в значительной мере ограничили возможности для

конкуренции, которая традиционно служила толчком для экономического развития: "События последнего десятилетия убедительно высветили основополагающую роль конкуренции в развитиии производительных сил, ее универсальное воздействие на национальную экономику и мирохозяйственные процессы"[1].

Политика неоконсерватизма Р.Рейгана и М.Тетчер ознаменовала признание значимости мелкого собственника для рыночного хозяйства. Нельзя не признать, что и сам мелкий собственник явился причиной своего признания. Имеется масса примеров, когда мелкие, венчурные предприятия не только выдерживают конкуренцию со стороны монополистических гигантов, но и сами превращались в крупнейших аутсайдеров подрывавших сложившуюся молополию.

Несомненно, что повышение активности полуанархических террористических организаций в середине и конце 70-х не могло произойти без поддержки определенных слоев населения. Недаром многие исследователи ставят анархо-коммунистический террор в один ряд с левонационалистическим и крайне правым, несмотря на внешнее различие целей[2]. Показателен тот факт, что как только в результате политики неоконсерватизма престиж и возможности мелкой буржуазии повысились, активность террористических группировок стала затихать.

Одним из основных мероприятий в рамках структурных изменений в капиталистической экономики является денационализация государственных предприятий.

Интересно мнение по этому поводу одного из представителей госсектора видного французского экономиста А.Бизаге, который занимает пост директора Института банковских и финансовых исследований Франции, кроме этого он является президентом статистического комитета Европейского центра государственного предпринимательства (ЕЦГП). В своей книге "Государственный сектор и приватизация" А.Бизаге указывает, что на протяжении кризисных для экономики ЕС 1973-1982 годов, доля государственного сектора, которую он расчитывает, исходя из трех основных показателей: а) доля предприятий в численности занятых, б) валовые вложения в основные фонды, в) условно-чистая продукция несельскохозяйственной экономики, возросла соответственно с 13,8% в 1973 году до 16,6% в 1982 году[3]. В дальнейшем в условиях оживления и циклического подъема и в связи с проведением политики приватизации наблюдалось сокращение этого вклада к 1986 он снизился до 15,3%[4].

Интересно, что к началу 1986 года на государственных предприятиях двенадцати стран членов ЕС работало около 11,5% занятых в несельскохозяйственном предпринимательском секторе экономики, а валовые вложения в основные фонды составили - 21% всех вложений предприятий ЕС[5]. Это говорит о том, что

---

[1] Мартынов В., Аникин А.и др., Изменения в структуре монополистического капитала и государственно-монополистическое регулирование. Мировая экономика и международные отношения, 1989, N 2, стр.10

[2] Rubenstein RE Alchemist of Revolution: Terrorism in the moden world, NY, 1987

[3] Biraguet A., LE sectevr public et les Privatisations, Paris, 1988, p 66

[4] Ibid, p 60

[5] Ibid, p 59

государственное предприятие требует более значительных вложений для решения проблем занятости, что также повлияло на выбор буржуазных экономистов и политиков в пользу политики приватизации.

В госсекторе ФРГ и Великобритании после денационализации в середине 80-х годов приходится примерно по 3% занятых в промышленности, а в сфере услуг и торговли роль госсектора, как и раньше минимальна: 0,4-2% занятых в этих отраслях[1].

А.Бизаге считает продажу государственных и их дочерних предприятий частному сектору отличительной чертой 80-х годов. Только в 1987 году приватизация в капиталистическом мире была осуществлена на 92 млрд.долларов[2]. По его оценкам в случае полной реализации программы приватизации в четырех крупных странах ЕС - ФРГ, Франции, Италии, Великобритании, - которые определяют хозяйственную картину Сообщества, вклад госсектора в экономику сократился в начале 90 годов до 12%[3].

А.Бизаге, связанный по роду своей деятельности с государственным сектором, не отрицает его значимости, подчеркивает роль и значение госсектора в создании единого европейского рынка, считает, что характерной чертой западноевропейской экономики 90-х годов и особенно после 1992 года должно стать сращивание двух секторов - государственного и частного, указывает на то, что политика приватизации есть не только плод экономической необходимости, но и связана с идеологическими мотивами, прежде всего с либерализмом[4].

Интересен взгляд более молодого поколения ученых - экономистов в лице французского исследователя Ж.Ситроена, который в своем комплексном исследовании мировой экономики на рубеже тысячелетий охарактеризовал госсектор как своеобразную защитную форму существования и развития новых промышленных отраслей, но как и всякие прочие формы протекционизма, считает автор, ее надо вовремя устранить. Это по мнению Ж.Ситроена решило бы проблему убыточности предприятий госсектора в ряде стран[5].

В социальном плане политика приватизации оказывает значительное влияние на изменение структуры занятости. По мнению западногерманского исследователя Д.Оттена это влияние столь значительно, что можно говорить о социально-экономической революции, которая подобно промышленной революции XIX века должна радикально изменить экономические и социальные структуры, политическую систему и культуру. Д.Оттен считает, что процессы в промышленности в ближайшие пятьдесят лет будут идти тождественно процессам, происходившим в сельскохозяйственном производстве за последние полвека, т.е. в ближайшие пятьдесят лет производительность труда возрастет в 4 раза. Он прогнозирует, что к 2008 году доля занятости в промышленности развитых капиталистических стран сократится до 7-15%, только 8-10% занятых будут работать на крупных предприятиях[6].

---

[1] Ibid, p 65
[2] Ibid, p 60
[3] Ibid, p 115
[4] Ibid, p 74, 112
[5] Siroen J.-M., L'economie mondiale vers L'AN 2000, Paris, 1988, p 152-153
[6] Otten D., Im Ubergang zur Informationgesellschuft, Marburg, 1988, p 267

Д.Оттен считает, что "общества с сильной общинной структурой или преобладанием средних слоев (как Япония или Южная Корея) могут при определенных обстоятельствах быть лучше подготовлены к воздействию информационного общества, чем ярко выраженные индустриальные высокоразвитые общества"[1].

Вопросы, связанные с проблемами мелкой буржуазии, которая традиционно считается социальной основой анархо-капиталистической идеологии, находят место в исследованиях наших экономистов. Так результатом дискуссии, организованной на страницах журнала "Мировая экономика и международные отношения" явилось признание, что роль мелкого бизнеса значительно повысилась в последнее время, что немонополизированный сектор фактически представляет новую силу. Так в США в начале 80-х годов на его долю приходилось 43% национального продукта и 58% занятости. В ФРГ эта цифра составляла 1/3 от национального продукта и 2/3 занятости обеспечивает мелкий бизнес. Было признано, что это позволило улучшить хозяйственную конъюктуру, что в отличие от 50-60-х годов конкуренция в настоящее время более открытая и прямая[2], что "рынок сегодня уже далеко не тот, что прежде"[3].

Новые условия хозяйствования, в которых оказывается предприниматель в капиталистическом мире все чаще заставляют их отказываться не только от строгой иерархии между производственными единицами, деления их на крупные и мелкие, могущественные и зависимые, но и от старых отношений внутри самих производственных единиц, где все чаще старые отношения "господин - раб" трансформируются в сторону к взаимодействию типа "партнер - партнер".

Иногда такие тенденции порождают соблазн упрощенного трактования этих процессов. Подобные попытки можно встретить у современных отечественных анархо-синдикалистов, которые выступая за коллективную собственность, часто приводят примеры успешного хозяйствования рабочих на выкупленных ими у собственников предприятиях[4].

Таких примеров действительно немало. Впервые законы о коллективной собственности появились во времена Великой депрессии. В 1973 году Конгресс США принял первый из серии законов, направленных на то, чтобы с помощью налоговых льгот поощрять рабочих и служащих к владению предприятиями. Из последних фактов перехода крупных предприятий в собственность трудящихся можно вспомнить сталелитейный завод в Уиртоне, штат Зап.Вирджиния, "Уиртон Стил" с численностью работающих в 7 тыс. человек, который был выкуплен рабочими и служащими у компании "Нэшонал Стил" в 1983 году. Другой пример - сталелитейный завод Норд Вест Стерлинг, к западу от Чикаго, с 3500 работающими был выкуплен в августе 1989 года. Большая заинтересованность и продуктивность, режим строгой экономии, снижение заработной платы, а следовательно, уменьшение цены конечной продукции оказывает благотворное воздействие на деятельность таких предприятий. В настоящее время только в Соединенных Штатах около 8000 фирм, на которых работает восемь миллионов человек, частично

---

[1] Otten D., Ibid, p 269

[2] Мартынов В., Аникин А., там же, стр.8-17

[3] Студенцова В., Сдвиги в государственном регулировании и экономическая модель государства, МЭМО, 1989 N1, стр.7

[4] Здравый смысл, 1990 N2, стр.1

или полностью принадлежат своим работникам. Причем исследование проведенное сотрудниками Мичиганского университета в Анн-Арворе, установило, что предприятия, принадлежащие рабочим, приносят доходы на 50% выше среднего и норма прибыли тем выше, чем большая часть предприятия находится во владении рабочих.

В 1985 году Национальный консультативный центр США сравнил фирмы, принадлежащие рабочим, с другими фирмами в тех же областях производства и установил, что у первых рост сбыта был на 71% выше[1]. Становление партнерских отношений внутри предприятий через увеличение доли выкупленной коллективной собственности в капиталистическом мире не представляется нам единственно возможным и даже магистральным путем в нынешних условиях, так как нельзя забывать, что выкупаются предприятия прежде всего в тех отраслях, на продукцию которых спрос объективно снижается. Снижая цены на свою продукцию они могут довольно успешно функционировать и быть конкурентно способными, но общая тенденция снижения удельного веса крупных промышленных предприятий в экономике и соответствующее уменьшение доли занятых на них приведет к ориентации нового поколения рабочих и служащих на более перспективные отрасли производства, где частная инициатива, мелкий бизнес имеют крепкие позиции. Хотя, несомненно, опыт коллективного хозяйствования окажет значительное влияние на производственные отношения будущего. Значительное уменьшение доли рабочей силы на крупных предприятиях по сравнению с мелкими позволило некоторым западным исследователям серьезно говорить о закате эры пролетариата. Об этом пишет известный французский публицист, один из теоретиков экосоциализма А.Горц, который делает вывод о конце рабочего, а, следовательно, и профсоюзного движения[2].

Тезис о том, что профсоюзное движение переживает кризис разделяют и некоторые профсоюзные организации Франции, ФДКТ и ФНО. Многие из отечественных исследователей склоняются к этой точке зрения. Например, Н.Лапина[3] или Г.Рогова, которая пишет: "Текущее десятилетие характеризуется кризисом профсоюзного движения едва ли не самым тяжелыми за всю его историю"[4].

Весьма справедливым представляется мнение, которое рассматривает в качестве одной из причин этого кризиса тот факт, что "нынешний космический взлет численности рабочей силы на две трети осуществляется за счет мелкого бизнеса, куда доступ профсоюзам вообще закрыт"[5].

В значительной мере переход от вертикальных к горизонтальным, партнерским отношениям, повышение заинтересованности и ответственности личности за свою деятельность, отход от традиционных методов подавления и основанной на этом жесткой дисциплине, происходит менее радикальным, чем выкуп предприятий рабочими и служащими, но на наш взгляд более основательным и перспективным путем.

---

[1] Америка, декабрь 1987, N373, стр.7

[2] Gorz A., Adielux an proletariat. Au delu du cocialisme, Paris, 1980

[3] Лапина Н., Профсоюзы Франции: между прошлым и будущим, МЭМО, 1989, N11

[4] Рогова Г., Американские профсоюзы: в тупике или на переломе, МЭМО, 1989, N11, стр.63

[5] Там же, стр.65

Все большее число менеджеров стран Запада осознают, что в современных условиях тейлоризм, основанный на четком разделении на тех, кто отдает приказания и тех, кто их выполняет, не является более эффективным, что необходимо "большее сотрудничество, гибкие коллективные договоры, допуск трудящихся к широкому кругу информации и участию к принятию решений"[1].

Такая политика осуществляется различными способами. Одно из наиболее традиционных направлений - участие в прибылях.

В 1843 году владелец парижской малярной фирмы Эдме Жан Леклер рассудил, что владельцу предприятия гораздо выгоднее заработать 100 франков и отдать половину своим рабочим, чем заработать 25 франков, оставив все себе, и распределил 12 тысяч франков возросшего годового дохода среди своих 44 рабочих. Идея участия рабочих в прибылях была встречена с подозрением и недоверием. Однако она полностью себя оправдала, и вскоре дело Леклера превратилось в лучшую и крупнейшую фирму Парижа, а ее владелец вошел в историю как отец современной системы материального стимулирования рабочих путем привлечения их к участию в прибылях.

В 80-х годах ввели для своих рабочих планы участия в прибылях такие гиганты как корпорация "Дженерал моторс" (1982г.), фирма "Форд" (1982г.), компания "Лонг драг сторс", в которой работает 8500 человек и которой принадлежит 185 магазинов (1984г.), авиакомпания "Америкэн эйрлайнс", базирующаяся в Далласе (1984г.) и др. На сегодняшний день в США насчитывается от 360 до 430 фирм, работающих с помощью системы участия в прибылях, по подсчетам Фонда по изучению участия в прибылях, подобные планы охватывают около 20 миллионов американцев[2].

Другое направление, родившееся в Японии в 60-х годах, получившее широкое распространение в настоящее время в США и Западной Европе - "кружки качества". На раннем этапе своего появления "кружки качества" служили средством стимулирования интересов рабочих в производственном труде, улучшении качества продукции и повышения конкурентноспособности отдельных предприятий и фирм. Сейчас они, по мнению самих западных исследователей, сделались необходимым "условием предпринимательства как такового"[3].

В середине 80-х годов в Японии было зарегистрировано свыше 140 тысяч "кружков качества" и сходных с ними "союзов ученых и исследователей", в ФРГ насчитывается около 2500 кружков, в Великобритании "кружки качества" созданы на 100 крупных предприятиях[4]. Некоторые исследователи выделяют наряду с экономическими преимуществами такую важную функцию этой формы как "улучшение коммуникаций и человеческих отношений между трудом и менеджментом"[5].

Имеет широкое распространение и такая форма участия в делах предприятия как схемы предложения персонала. Эта форма

---

[1] Kassalow E., Coneession bargaining: Towarrdg new roles for American unions and managers, Geneva, 1988, p 580-571

[2] Бейрот Б., Корпорации делятся прибылями - старый и новый подход, Америка, Декабрь 1987, N372, стр.2-3

[3] Delamott I., Worker's partiapation and personnel policiess in France, Geneva, 1988, p 237

[4] Klotz V., Staff suggestion schemes, Geneva, 1988, p 348

[5] Ibid, p 349

предполагает выдвижение персоналом на своих рабочих местах творческих идей, которые имеют инновационный характер и не предусматривают получение изобретательских прав, авторских свидетельств или патента. В 1985 году число предложений составило на 100 человек персонала: в Австрии - 7,3%, в ФРГ - 11,2%, в Швеции - 10,1%, в США - 13,6%[1].

На протяжении 80-х годов в странах Запада участие трудящихся в управлении довольно часто осуществлялось посредством представительства в информационно-консультативных органах на предприятиях, в советах директоров, в объединенных профсоюзно-менеджментских комитетах и т.д. Такие комитеты созданы на 3/4 всех предприятий и учреждений[2].

Существует практика "прямого участия", когда рабочие и служащие выдвигают свои предложения на собраниях и митингах и направляют их администрации, минуя профсоюзы и иные формы рабочего представительства. Такая практика все чаще подкрепляется законодательными актами. Так, например, в соответствии с законами 1982 и 1986 годов французские трудящиеся получили право на "прямое участие" в управлении на своих рабочих местах с числом занятых не менее 200 человек, а по закону 1986 года численность была снижена до 50 человек[3].

Современные гибкие технологии не дают эффекта без новаторской организации труда и тем самым требуют от предпринимателя все чаще обращаться к опытам "производственной демократии". Удачный синтез этих двух факторов приводит к повышению производительности труда на 30-50%. На заводе компании "Вестингауз" в Гранд-Рапидсе, штат Мичиган, где различными новациями охвачено 65% персонала, она выросла за 1983-1986г.г. на 74%, "Дженерал электрик" в Солсбери, штат Сев.Каролина, при помощи бригадного метода добилась увеличения производительности труда в 2,5 раза[4].

Интересен тот факт, что именно неоконсерватизм, который во многом заимствовал положения анархизма (отсутствие гос.помощи, создание условий для конкуренции, большие возможности и свобода для мелкого предпринимательства и проч.), представил в конце 70-х в начале 80-х наиболее оптимистические прогнозы. В качестве типичных примеров можно назвать работы Г.Кана "Грядущий бум" (1982г.)[5], А.Тофлера "Третья волна" (1981г.)[6], работу американского бизнесмена и публициста Дж.Нейсбита "Мегатренды. Новые тенденции преобразующие нашу жизнь" (1984г.)[7].

В работе Дж.Нейсбита утверждается, что "индустриальное общество" есть ничто иное как "информационное общество". Будущее Америки, согласно Нейсбиту, формируется десятью основными тенденциями, которые сопровождаются трансформацией всех сфер жизнедеятельности общества и образа жизни в целом:

1. переход от "индустриального общества" к "информационному";

---

1 Klotz V, Ibid, p 338
2 Delamott I., Ibid, p 226
3 Ibid, p 241
4 Лапина Н., там же, стр.67
5 Kahn H., The Coming Boom, NY, 1982
6 Toffler A., The Third Wave, NY, 1981
7 Naisbitt J., Megatrends: Ten New Directions Nransfoming Our Lives, London, Sydney, 1984

2. стремительный технологический прогресс;
3. преобладание долговременных интересов над текущими;
4. глобальная экономическая интеграция;
5. переход от централизации власти к ее децентрализации;
6. распространение принципа "самопомощи" вместо принципа "полагайся на государственные учреждения";
7. замена представительной демократии на демократию непосредственного участия;
8. вытеснение иерархических организаций системой непосредственных связей между людьми;
9. массовой миграцией населения на запад и на юг США;
10. возрастающим многообразием выбора во всех областях от политики до стиля жизни.

Нетрудно заметить, что пять из десяти этих тенденций, а именно: 5, 6, 7, 8, 10, являются по сути анархическими. И **децентрализация власти (федерализм)**, и отказ от помощи государства (**отрицание** государства вообще), и идея непосредственной **демократии** (отказ от парламентаризма, пропаганда

прямого действия), и замена иерархии партнерскими связями (искл. отношений господства и подчинения), и расширение возможности выбора (гносеологический анархизм) - все эти тенденции по Нейсбиту являются необратимыми и характеризуются им как "время великого брожения, полное благоприятных возможностей"[1].

Нейсбит считает, что мы стоим на пороге новой эпохи: "...немало городов и компаний, профсоюзов и политических партий, которые, подобно динозаврам, выжидают, когда же переменится

---

[1] Naisbitt J., Ibid, p 252

погода. Но погода теперь уже не переменится. Почва уходит у нас из-под ног, и от нас требуется полное переосмысление своей роли"[1].

Мнение Дж.Нейсбита о наступлении новой эры в полной мере разделяют и активисты одного из социальных течений, которое носит название "Движение Новой Эпохи" (ДНЭ), это движение получило сегодня значительное распространение среди интеллектуальной части населения стран Запада.

Активисты ДНЭ преследуют цель "приблизить человечество к золотому веку", ставят перед собой много задач, среди которых особо выделяются социально-политические ориентиры движения. Предполагается, что место партий и политических движений должны будут занять так называемые "сетевые структуры", представляющие собой рыхлые, небольшие по численности автономные объединения. В них включаются более или менее стабильные кружки по интересам, инициативные группы и т.д.[2].

Эти сетевые структуры выдвигаются в качестве организационных форм ДНЭ. Они характеризуются следующими особенностями:

1. Состоят из отдельных независимых элементов.
2. Имеют децентрализованную систему управления.
3. Неформальные отношения доминируют над институциональными.
4. Внутренние границы могут свободно варьироваться.
5 Все участники абсолютно равноправны[3].

Активисты движения считают, что такая, основанная на анархии система политической власти, сможет способствовать решению стоящих перед человечеством острейших проблем, а западногерманский ученый-философ Кристофер Шорш, автор работы о ДНЭ, считает, что такая система может заложить основы для всестороннего раскрытия внутреннего потенциала каждого индивидуума.

В книге К.Шорша можно отметить ряд позитивных идей и соображений о том, что в любой общественной формации система, основанная на самоконтроле, позволяет лучше противодействовать бюрократическим методам управления, чем иерархическая структура[4].

В отличие от ортодоксального анархизма активисты ДНЭ не считают, что любая свобода есть залог успешного созидания нового. Они в большей степени склонны рассматривать свободу как средство формирования нового сознания, как условие самосовершенствования:

1. Максимальное развитие созидательных способностей.
2. Восприимчивость к положительному опыту.
3. Независимость от низменных инстинктов[5].

Анализируя социально-политическую часть данного движения, нетрудно заметить, что она построена на идеях либертаризма, которые получили в последнее время значительное распространение среди интеллигенции и молодежи стран Запада.

Либертарные идеологи утверждают, что массы все более выступают за либертарный тип социальной организации "снизу-вверх", что не общество, не класс, не партия, не государство, а только лишь индивид - субъект общественной жизни, что он должен быть освобожден от всякого внешнего регулирования.

---

[1] Naisbitt J., Ibid, p 95
[2] Schorsch Ch., Die new age-bewigung, Gutersloh, 1988, p 66
[3] Ibid, p 67-68
[4] Schorsch Ch., Ibid, p 11
[5] Ibid, p 51

К этому направлению примыкают сторонники "антиавторитаризма", "антиэтатизма", "спонтанеизма", "другого социализма" и ряда других.

Итогом либертарных проектов в конечном счете оказывается буржуазный идеал будущего общества. В основе этих проектов лежит индивидуалистическое, субъективное понимание свободы, вытекающее из рыночных отношений.

Интерес на Западе к либертаристским идеям проявляется в интенсивном распространении классической анархической литературы, в проявлении новых исследований по истории анархизма, в оживлении активности различных изданий, газет и журналов анархической направленности. В качестве примеров можно привести новые работы, посвященные Ж.Сорелю, в 1981 году была опубликована двухтомная антология под редакцией и с предисловием А.М.Андреази, где собраны документы по истории анархо-синдикализма во Франции, Италии, Испании[1], в Великобритании в 1989 году обратил на себя внимание сборник под общей редакцией Девида Гудвея "В защиту анархизма", где группа исследователей-либертарианцев, принадлежащих к анархической исследовательской группе, доказывает, что теория анархизма никогда не была столь актуальна как теперь[2] и т.д.

Возрос интерес к творчеству тех философов, социологов, которые стояли на близких по отношению к анархическим позициях. Это прежде всего Г.Маркузе, Ж.П.Сартр, Э.Фромм, Ю.Хабермас, Д.Кон-Бендит и прочие.

Переживают ренессанс и те направления, которые играли активную роль в формировании идеологии либертаризма: экзистенционализм, философия жизни, неофрейдизм, некоторые виды неомарксизма, "новая философия", франкфуртская школа и др. Интерес к анархизму проявился даже в такой традиционно консервативной области знания как методология науки и получило название "гносеологического анархизма".

В качестве теоретического источника "гносеологического анархизма" можно рассматривать эссе Дж.С.Милля "О свободе", которое было написано еще в 1859 году. В этой работе Милль утверждал, что свобода мышления есть плата за истину: "Есть великая разница между допущением истинности воззрения, поскольку ... оно не было опровергнуто, и предположением о его истинности в целях предохранения от опровержения. Полная свобода противоречить и опровергать мнение есть, то самое условие, которое оправдывает наше допущение о его истинности для действия, лишь в силу этого существо, обладающее человеческими способностями, рациональным образом уверено в своей правоте"[3].

Ровно через сто лет, в эпоху ренессанса логического эмпиризма в западной философской традиции, появилась работа К.Поппера "Логика научного открытия" (1959), в которой обосновывался вывод об ограниченности традиционной гипотетико-дедуктивной модели научного знания: "Философы столь же свободны в использовании любого метода поиска истины, как и все другие

---

[1] Andreasi A.M., L'anarcosindacalismo in Francia, Italia, e'Spagna, Milano, 1981, Vol 1-2

[2] Goodway D., For anarchism.History. Jheory and Practice, London, Routledge, 1989

[3] Mill J.S., On liberty, In Jhe Harvard Classics, v.25, NY, 1909, p 222

люди. Нет метода специфического только для философии"[1].

Опираясь на идеи, изложенные в концепции К.Поппера, английский историк науки И.Лакатос в своих статьях, написанных в конце 60-х годов, предложил оригинальную методологию анализа и оценки развития научного знания, где значение методологии как средства нормативного обеспечения научного поиска фактически сводилось к нулю.

Его дело продолжил П.Фейерабенд, который в 1975 году выпустил книгу "Против метода. Очерк анархической теории познания", которую посвятил "Имре Лакатосу, другу, соратнику-анархисту". В этом и других произведениях П.Фейерабенд попытался привести гносеологический анархизм в определенную систему, стержень которой составляли плюрализм и релятивизм. П.Фейерабенд считает необходимым гуманизацию науки и включение методологии в единую науку о человеке. Он ориентируется при этом на экзистенционалистическую критику абсолютизации единственно строгим и подлинным мышлением, которое лишь одно может и должно быть признано стандартом философского мышления[2].

Фейерабенд отказывает в праве методологии довлеть над исследователем, она должна исходить из человека, служить ему, а не руководить и направлять его действия: "Научная теория несет свой особый способ рассмотрения мира, и ее принятие оказывает влияние на наши общие убеждения и ожидания и посредством этого на наш опыт и наше представление о реальности"[3].

Фейерабенд в отличие от Поппера понимает ошибку не как отклонение от истины, а как специфическую особенность мышления или деятельности некоторогс субъекта, а само познание "не является процессом, который приближается к некоему идеалу. Познание оказывается в этом случае океаном постоянно увеличивающихся альтернатив"[4].

Немало известных методологов уже открыто пытаются защитить положения "гносеологического анархизма". Среди них философ Э.Лагг, норвежец А.Наес, Х.Шниппер из ФРГ и некоторые другие. Многие из исследователей в области методологии науки разделяют некоторые положения "гносеологического анархизма". Например Полани является сторонником идеи о способности теории обусловливать эмпирические данные и разделяет ряд положений Фейерабенда о конвенциональном характере выбора теории[5].

Другой автор - Тулмин Ст. интересен тем, что критикует традиционное понимание единства науки. Он считает, что "единство и целостность науки напоминают, по существу, спектр методов и стратегий"[6].

Активно использует аргументацию "гносеологического анархизма" в своей критике сциентизма Пройс К.Х.[7].

Много сторонников Фейерабенда и среди исследователей в области социологии научного знания, они всячески подчеркивают

---

[1] Поппер К., Логика и рост научного знания, М., 1983, стр.35

[2] Фейерабенд П., Избранные труды по методологии науки, М., 1986, стр.317

[3] Там же, стр.31

[4] Фейерабенд П., В ответ на критику. - В книге "Структура и развитие науки", М., 1978, стр.421

[5] Полани М., Личностное знание, М., 1985

[6] Тулмин Ст., Человеческое понимание, М., 1984, стр.250

[7] Пройс К.Х., Пути к умеренности. Стратегия на будущее, М., 1984

фундаментальный характер идей "гносеологического анархизма" для современного теоретического мышления. Это позиция известных западных социологов Б.Барнса, И.Элканы и других. Весьма широк круг теоретиков, которых Фейерабенд охарактеризовал как скрытых анархистов.

Деятельность теоретиков "гносеологического анархизма" привлекает внимание исследователей и в нашей стране: "критический анализ "гносеологического анархизма" как методологии и мировоззрения дает ключ к пониманию целого ряда современных процессов развития западной философской мысли"[1].

Несомненно, что сторонников идей "гносеологичекого анархизма" можно назвать анархистами лишь условно, так как "смешивание идеологии с естественным правом человека на независимость суждений может завести в сомнительные сферы "пананархизма"[2]. Однако нельзя не прислушаться к мысли известного французского ученого, одного из видных теоретиков анархизма Жан Жака Элизе Реклю, который утверждал, что анархистом является любой свободно мыслящий человек: "Свобода мысли сделала всех людей бессознательными анархистами"[3].

Сам Фейерабенд связывает "гносеологический анархизм" прежде всего с борьбой против односторонности, догматизма, интеллектуального авторитаризма, но никоим образом не с борьбой против политической власти.

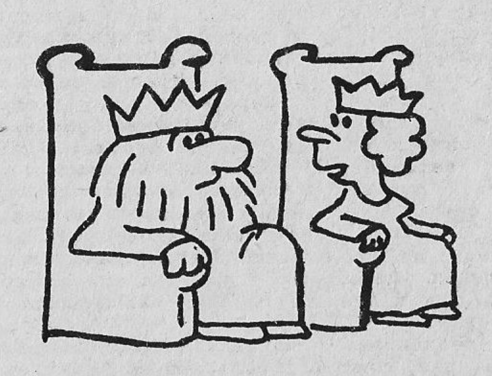
Отрицая прямую зависимость между выбранным методом исследования и его конкретными результатами, необходимо признать реальность опосредованного влияния идей "гносеологического анархизма" на заключительные выводы.

Можно привести немало примеров, когда исследователи используя некоторые идеи "гносеологического анархизма", неожиданно для себя приходили к крайне радикальным политическим выводам. Примером этому может служить одна из последних работ известного американского исследователя в области социологии религии Ричарда Фенна "Дух мятежа. Анархизм и культ авторитета". Ричард Фенн около двадцати лет занимался проблемами секуляризации и общественной потребностью в религии. В своей новой работе Р.Фенн делает попытку уйти от двух наиболее авторитетных теорий, долгое время служивших ориентирами для исследователей. Он отказывается от направления по Веберу и его последователей (Брайан Вильсон, Питер Бергер), но не желает следовать и за Дюркгеймом и основными представителями его линии (Тейлкот Парсонс, Роберт Беллах). Р.Фенн пытается применить собственную парадигму, истоки которой он, по собственному признанию, "нашел в анархизме, психоаналитике и в движении теологии к нарциссизму"[4]. Уже ближе к середине книге Фенн констатирует, что он в значительной мере повернулся "к некоторым перспективам анархической мысли"[5], а в конце книги он прямо заявляет: "Я утверждаю две вещи: а) традиции мирского государства уже уничтожены, в) государство в некотором роде должно отмереть, чтобы нация могла существовать"[6].

---

[1] Касавин И., Теория познания в плену анархии, М., 1987, стр.9
[2] Стабурова Е., Анархизм в Китае. 1890-1921гг, М., 1983, стр.6
[3] Реклю Э., Избранные сочинения, Пг, 1921, стр.112
[4] Fenn R.K., Ihe Spirit of Rebolt: Anarchism and the Cult jf Authority, NY, 1986, p 12
[5] Ibid, p 125
[6] Ibid, p 155

Подобных примеров немало, и все они говорят о том, что анархические тенденции в общественной мысли экономически развитых стран имеют широкое хождение. Это объясняется значительными сдвигами в экономике этих стран, серьезным переосмыслением некоторых ценностей и норм жизни всего общества в прошлом десятилетии.

„Я знаю, ты абсолютный деспот, но, всё-таки, кто ты - Демократ или Республиканец?"

Подводя итоги сказанному, можно отметить следующее:

1. Анархизм как социально-политическое учение не потерял своего значения для анализа современной деятельности, поэтому изучение истории анархизма представляет сегодня значительный интерес и требует тщательного переосмысления.

2. Социальной основой анархизма могут служить различные социальные слои, которые не обязательно выражают свою анархичность через прямой протест, но через открывающиеся возможности реализации анархических идей на практике (например: анархо-капитализм - неоконсерватизм, анархо-синдикализм - коллективная собственность и т.д.).

3. Процесс реализации этих ией на практике идет не революционным, а эволюционным путем и предусматривает легитимное закрепление этих преобразований.

4. Процесс законодательного закрепления анархических тенденций в обществе требует направленности усилий анархических организаций и взаимодействие как несистемных (акции прямого действия) методов, так и системных (демократические процедуры) методов воздействия.

Арефьев М.А. - доктор
философских наук

Философия ненасилия и антиэтатизм Л.Н.Толстого

История отечественного анархизма, в первую очередь, это история практического анархизма как образа жизни и деятельности отдельных, по преимуществу религиозных движений и групп людей. Показательным в этом плане явилось старое русское сектанство (христианство, духоборчество). Церковные ереси (стригольники, антитринитари, беспоповцы) также осуществляли анархическую линию поведения в отношении к государственной власти. Приверженность к идее ненасилия, антиэтатизм приводили, например, духоборов к отказу от воинской присяги и службы в армии, сопряженной с ношением оружия; сектантов - "неплательщиков" на Урале от уплаты налогов и других денежных и натуральных поборов; беспоповцев-бегунов (странников) от общественно-государственных повинностей и сословного деления общества и т.д. Зачастую эти религиозные группировки приходили к идее безначалия как центрального звена анархического учения.

Нравственно-религиозные искания, выступающие в форме философского ненасилия, явились определяющими для художественного мировосприятия и социальной, жизненной позиции Л.Н.Толстого. Последнюю можно определить как практику христианско-этического анархизма. Социально-политические трактаты и богословские сочинения русского писателя, линия поведения в отношении правительства и государственной церкви дают многочисленные аргументы и свидетельства в пользу данного суждения. Это относится к таким трудам Толстого как "Исповедь" (1879), "Краткое изложение Евангелия" (1881), "В чем моя вера" (1884), "Так что же нам делать?" (1885), "Царство Божие внутри нас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание" (1893), "О существующем строе" (1896) и др. Общеизвестен конфликт писателя с православной церковью, вылившийся в отлучение его от церкви.

Считая всякую власть общественным и нравственным злом, Толстой приходил к отрицанию государства и власти, любой формы религиозного, духовного, экономического и политического насилия. Проблема насилия изначально переведена была Толстым в плоскость нравственную. Отрицание насилия он выводил, с одной стороны, из учения о том, как человек должен поступать относительно других людей с тем, чтобы жить правильно, то есть из этики, а с другой - из идеи социального непротивления. Как писал В.Ф.Асмус, Толстым "выдвигается мысль, будто единственным жизненно правильным образом действий человека, испытывающего на себе самом насилие власти, должно быть терпение и покорность, т.е. непротивление"[1].

Насилие, согласно Толстому, несовместимо ни с буквой, ни с духом раннехристианского учения и его этической проповедью. По Толстому, христианство, если оно исповедует не Христа "казнящего", но Христа прощающего и не воюющего, то оно только

---

[1] Асмус В.Ф., Мировоззрение Толстого. Избранные философские труды. В 2 т., М., 1969, Т 1, стр.73

в этом случае становится учением нравственным. Ибо отрицание насилия есть, во-первых, частный случай из всеобщего закона человеческой любви и братства, а во-вторых, насилие непреемлимо из-за невозможности однозначно ответить на вопрос - что есть зло.

Учение Толстого о непротивлении не следует понимать так, что оно будто бы запрещает борьбу со злом. Оно лишь запрещает в этой борьбе прибегать к насилию. Ведь любое насилие вновь порождает новое зло, и процесс этот прервать невозможно. Ненасилие же дает возможность человечеству и отдельному индивиду разорвать порочный круг зла. Толстой самым подробным образом исследует в своих сочинениях проблему взаимосвязи насилия и власти. От вопроса о власти вообще он переходит к анализу сущности власти государственной, а в решении проблемы насилия выходит на вопрос о государственном принуждении. Его концепция приобретает характер этического анархизма. С того времени, утверждает писатель, когда возникло противление злу насилием, то есть борьба между людьми, тогда и возникло явление власти. В борьбе между людьми сформировались властные отношения. Власть есть насилие, которое применяется меньшинством общества по отношению к большинству. Основа государственной власти, по Толстому, есть телесное, или физическое насилие.

Смена общественных форм и государственных структур не приводит к уменьшению насилия и изменению сущности власти. Более того, она свидетельствует лишь о том, что могут видоизменяться формы насилия человека над человеком, власть может переходить от одних к другим, но сущность ни насилия, ни власти не изменяется. "Зло насилия, - пишет Толстой в статье "Единое на потребу. О государственной власти", - остается то же самое и качественно и количественно, нет произвола главы деспотического правительства, есть личевание и самоуправство республиканской толпы; нет рабства личного, есть рабство денежное; нет самовластных падишахов, есть самовластные короли, императоры, миллиардеры, министры, партии"[1].

Государство, по мысли Толстого, это искусственный продукт привилегированных классов, объект собственной властной элиты. Оно возникает путем насилия и составляет такой общественный институт, который принуждением охватывает всех людей. В то же время государство в историческом плане было формой жизни общества более высокой, чем жизнь "дообщественная". При последней господствовало узкоэгоистическое личное понимание жизни. С развитием нравственности все более смягчались нравы людей, и на смену личного жизнепонимания пришло понимание жизни общественное. Власть же, основанная на насилии, тем временем все более деградировала и развращалась, поэтому преимущества государственной жизни постепенно сошли на нет.

Отрицание государства Толстым обосновывалось не только с точки зрения социально-нравственной, но и велось им с позиций христианско-религиозных. "Государство, - писал он, - есть насилие, христианство есть смирение, непротивление, любовь, и потому государство не может быть христианским, и человек, который хочет быть христианином, не может служить государству"[2]. Исходя из идеи установления на земле царства Божиего как идеала

---

[1] Толстой Л.Н., Полн.собр.соч. В 90 т., Юбилейное издание (1828-1928), М., Л., 1928-1958, Т.36, стр.200

[2] Толстой Л.Н., Об отношении к государству (Анархизм. Сборник статей по теории и практике анархизма), СПб., б.г., стр.133

христианского совершенства, Толстой приходил к выводу о необходимости упразднения государственной власти. Царство Божие понималось им как некое гармоничное общественное и нравственное состояние, как единение частного и общественного, поэтому государство, нарушающее эту гармонию обрекалось им на уничтожение.

Антиэтатизм Толстого, однако, имел некоторые, присущие только ему, особенности. Это проявлялось, например, в отрицании им наиболее распространенных способов борьбы с государственностью. Таких способов, по его мнению, два: "один способ - Стеньки Разина, Пугачева, Декабристов, революционеров шестидесятых годов, деятелей 1-го Марта и других; другой, способ "постепеновцев", состоящий в том, чтобы бороться на законной почве, без насилия, отвоевывая понемному себе права"[1]. И тот, и другой способы антиправительственной деятельности, по Толстому, не годны. Прямое столкновение с государством всегда предполагает использование насилия, "и потому новый, установленный насилием, порядок вещей должен был бы непрестанно быть поддерживаем тем же насилием". Более того, при поражениях в открытой борьбе радикалов с правительством, происходит укрепление старых порядков и торжество реакции.

Еще менее разумен второй путь борьбы с властью, на почве закона, который этой же властью и диктуется. Правительство, которое имеет в своих руках всевозможные структуры физического и духовного насилия: войско, администрацию, церковь, школы, полицию, суд и т.д., никогда не позволит оппозиции пойти дальше, чем создать иллюзию борьбы с ним. Отсюда, считает Толстой, такое мнимое сопротивление "постепеновцев" есть самообман, "очень выгодный правительству и поэтому даже поощряемый им".

Толстой предлагает свой, особый путь оппозиции государству и власти. В его основе - пассивное "неделание", которое может рассматриваться в качестве формы массового ненасильственного действия. "Неделание", по Толстому, включало в себя отказ от добровольной уплаты податей, службы в полиции, армии и на флоте, предполагало бойкотирование деятельности любых государственных органов, связанных с насилием. Призыв Толстого - долой государство, означал на практике прямой вызов правительству, поэтому писатель оправдывал крестьянские бунты и факты насильственного захвата земель со стороны крестьян, объяснял их невозможностью больше терпеть существующий порядок вещей. Вместе с тем он указывал на бесперспективность подобных форм народного протеста, поскольку они были несовместимы с принципом непротивления злу. По мнению русского писателя, освобождение человечества от зла и насилия произойдет лишь нравственным путем, через осознание каждым человеком самого себя как нравственной личности.

Отрицательно относясь к либерализму как разновидности нравственно-политической оппозиции российскому самодержавству, Толстой в связи с этом уточняет свое отношение к проблеме права и законотворчества. Исходя из концепции ненасилия, он отвергает современное ему юридическое право. Цивилизация, считает он, стоящая на высоком уровне нравственного развития, может позволить себе упразднить в равной мере, как государственное право, так и

---

[1] Толстой Л.Н., Об отношении к государству (Анархизм. Сборник статей по теории и практике анархизма), стр.134

государство. Главным аргументом в пользу их упразднения Толстой считает то, что юридические законы и власть субъективны по своему характеру, а также то, что они поддерживаются насилием и произволом. Вывод писателя краток: общество должно опираться не на юридическое право, а на простой и ясный смысл заповедей Христа, на пример его земной жизни. На место принуждения должно прийти право каждого человека на счастье, труд, свободу и свободное общение. Всечеловеческая любовь, или царство нравственной "правды", станет главным и единственным законом для всех людей.

Учение Толстого об абсолютном царстве нравственного отказывало в моральной санкции любому практическому действию, если последнее сразу и немедленно не давало всей "правды". Отсюда - отрицательное отношение к любой форме конкретных политических действий. В них система нравственного абсолютизма не видела ничего, кроме иллюзий. По мнению профессора А.А.Борового, этот момент в наибольшей степени говорит за родство доктрины Толстого и анархического учения. "Идеализм" анархизма, - писал Боровой, - шел так далеко, что в любой момент он предпочитал идти на поражение, чем делать какие-либо уступки реальной действительности. Душевный порыв, в его глазах, был не только чище, нравственнее, но и целесообразнее систематической, планомерной работы. Его не смущало, что никогда и ничто из анархических требований не было еще реализовано в конкретных исторических условиях. Несмотря на некоторые коренные разногласия анархизма с толстовством, лозунг последнего - "все или ничего" был и его лозунгом. Только Толстой в своем отношении к общественности избрал "ничего", анархизм требует "все"[1].

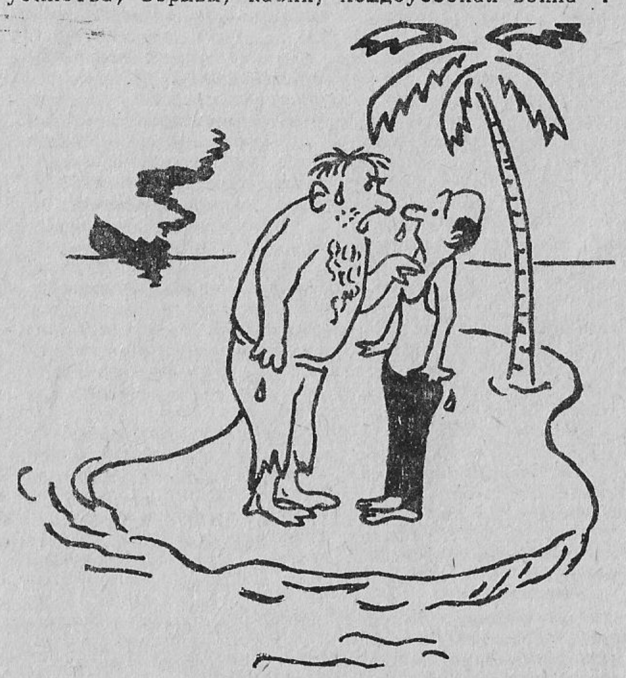
Толстой отрицательно относился к политической деятельности еще и потому, что она есть лишь изменение внешних форм человеческой жизни. По мнению писателя, политика не затрагивает внутренней, глубинной стороны человеческих отношений. С другой стороны, политика невозможна без субъективных оценок, и ею часто движет желание "учить жизни". Подход Толстого к жизни прямо противоположен, он призывает учиться у нее. Отсюда вытекало отрицательное отношение к революции как способу изменения общественных отношений. Против революции Толстой выдвигал три главных аргумента: во-первых, безнравственность революционных действий; во-вторых, ложность средств, которые употребляются радикалами даже для достижения благой цели - всеобщего счастья; в-третьих, несоизмеримость жертв, на которые вынуждены идти люди в ходе революции, с теми ничтожными выгодами, которыми они предположительно будут обладать. Ведь по Толстому, всякая революция это в первую очередь революционное насилие и революционная целесообразность, которые отодвигают идеал нравственно-гармоничного общежития на неопределенное время.

В 1905-1910 гг. Толстой пишет целую серию публицистических статей, в которых крайне негативно характеризет как радикальный европейский марксизм, так и радикализм отечественный. Например, в работе "Обращение к русским людям. К правительству, революционерам и народу" он писал: "Революционерам же, вообще интеллигентам, тем людям, которые, начиная от самых миролюбивых конституционалистов до самых воинственных революционеров, хотят заменить существующую правительственную власть другою, иначе

---

[1] Боровой А., Анархизм, М., 1918, стр.108

организованной и составленной из других лиц властью, я бы сказал так. Вы, революционеры всех оттенов и наименований, считаете существующую власть вредной... Хотите и стараетесь заменить существующую власть другою, новою. Несмотря на то, что вы все не согласны между собою о том, какая должна быть эта новая власть, вы, для проведения в жизнь предлагаемого каждой их ваших партий устройства, не останавливаетесь ни перед какими преступлениями: убийства, взрывы, казни, междоусобная война"[1].

Критика европейской и отечественной моделей социалистического общества, ориентированное на тотальное огосударствление всех сфер жизнедеятельности народа, секуляризм и атеизм в духовной жизни, а также трагедия русской революции вызвали существенные изменения в мировосприятии Толстого. Свое отрицание христианско-православной догматики он стал сводить к проблеме ее интерпритации.

В православной религии речь идет о вере в некоторые исходные положения, или символы высшей реальности (Троица, Боговоплощение, Воскресение и т.д.). У Толстого речь также идет о символах этой реальности, но они приобретают духовно-нравственный характер (Любовь, Непротивление, Самосовершенствование). В письме к редактору миссионерского сборника от 15 апреля 1909 года он прямо пишет, что "сущность моего религиозного мировоззрения - никак не в отрицании законных догматов..., а в положительной стороне

---

[1] Толстой Л.Н., Полн.собр.соч., Т.36, стр.305-306

христианства, отвечающей требованиям моей души"[1].

Однако это не означало примерения писателя с самодержавным государством. Самодержавство для него было и оставалось той исторической и общественной формой, которая изжила себя в России безвозвратно. "Самодержавие, - писал Толстой в письме к Николаю II от 16 января 1902 года, - есть форма правления отжившая, могущая соответствовать требованиям народа где-нибудь в центральной Африке, отдаленной от всего мира, но не требованиям русского народа, который все более и более просвещается общим всему миру просвещением; и потому поддерживать эту форму правления и связанное с нею православие можно только, как это и делается теперь, посредством всякого рода насилия, усиленной охраны, административных ссылок, казней, религиозных гонений, запрещения книг, газет, извращения воспитания и вообще всякого рода дурных и жестоких дел"[2].

Анархизм Толстого был анархизмом религиозным, поэтому естественно, что он дистанциировался от европейской и русской традиций безрелигиозного анархизма. Вместе с тем в своих главных чертах и родовых признаках это родственные явления. Для Толстого безвластное общество - такое общество, которое признает волю человеческого закона. Закон этот неравнозначен юридическому праву, это фактически закон Бога, Нравственности, Этики. Толстой писал об анархизме, что из-за "неверия в закон Бога и происходит то кажущееся странным явление, что все теоретики-анархисты, люди ученые и умные, начиная от Бакунина, Прудона и до Реклю, Макса Штирнера и Кропоткина, неопровержимо верно и справедливо доказывая неразумность и вред власти, как скоро начинают говорить о возможности устройства человеческой жизни без того человеческого закона, который они отрицают, так тотчас же впадают в неопределенность... Происходит это от того, что все теоретики анархисты эти не признают того общего всем людям закона Бога, которому свойственно подчиняться всем людям, а без подчинения людей одному и тому же закону - человеческому или божескому - не может существовать человеческое общество"[3].

Новое общество, по Толстому, должно основываться на принципах свободы и равенства, которое проповедовалось первыми христианами. Это общество, жизнь в котором складывается естественным путем, подобно жизни пчел в улье. В нем реализуются такие общественные отношения, которые удовлетворяют требованиям совместной жизни людей. Управление в таком обществе основывается на взаимном согласии и солидарности, общинном владении землей, равенства всех членов "мира", артельном устройстве на промышленных предприятиях. Но самое главное, по мысли Толстого, - это общество освободится от тех узаконений, которые составляют природу существования социума: частной собственности на землю (имеется в виду помещичье землевладение), обязательных податей в пользу государства, жесткого бюрократического централизма. Для Толстого неизменность натурального крестьянского хозяйства в рамках общины является лучшей формой жизнедеятельности и быта

---

[1] Назаров В., Метафоры непонимания: Л.Н.Толстой и Русская Церковь в современном мире, Вопросы философии, 1991, N8, стр.156

[2] Лев Толстой и русские цари. Письма Л.Н.Толстого. 1862-1905, М., 1918, стр.30

[3] Толстой Л.Н., О значении русской революции. Полн.собр.соч., Т.36, стр.347

селян, формой самореализации народной культуры. Как писал В.Г.Короленко, "взыскуемый град Толстого по всей структуре не отличался бы от того, что мы видим теперь. Это была бы простая русская деревня, такие же избы, те же бревенчатые стены, той же соломой были бы покрыты крыши, и те же порядки царствовали бы внутри деревенского мира. Только - все любили бы друг друга"[1].

В анархическом смысле понимал Толстой свободу. Свобода для него есть отсутствие стеснения. "Свободен человек только тогда, - писал он, - когда никто не воспрещает ему известные поступки под угрозой насилия"[2]. И потому в обществе, где юридически определены права людей, где запрещаются под страхом наказания противоправные поступки, люди не могут быть свободными. Тем более, люди не могут быть свободными, когда живут в обществе, организованном в государство. Писатель утверждал, что чем больше государство, тем больше насилие, а значит, невозможна истинная свобода.

Действительно свободны люди только в таких общественных условиях, когда все они убеждены в бесполезности и незаконности насилия. Свобода заключается в подчинении некоторым правилам, носящих форму моральных санкций и нравственных предписаний, но не вследствие внешнего насилия. Свобода основывается на разумном убеждении. Люди являются мыслящими существами, и им свойственно воздействовать друг на друга путем убеждений, и в этом заключается высшая справедливость. К такому состоянию человеческого общества, к которому призывают нравственные проповеди всех религий и аргументы различных философско-этических систем, стремится современное человечество. Не участвуй в зле, призывал Толстой. Не участвуй в зле, которое ты осознаешь как зло и осуждаешь, а живи так, чтобы избегнуть насилия. Только таким путем может быть достигнута великая цель - освобождение человечества.

В центре антиэтатических воззрений Толстого - идеал безвластного общества. С точки зрения науки его времени, власть есть совокупность воль масс, которая перенесена на избранных или не избранных народами правительств. История объясняла отношение народа к правителям, исходя из следующих позиций: во-первых, воля народа безусловно передается правителям, поэтому возникновение новой власти есть нарушение власти существующей; во-вторых, воля народа переносится на правителей с известными оговорками, поэтому уничтожение существующей власти может происходить от несоблюдения правителями условий договора; в-третьих, воля народа переносится на правительство условно, когда договорные отношения не известны и не определены, поэтому возможно возникновение многих властей, падение которых в значительной мере субъективно и случайно. Подобное отвлечение, по мнению Толстого, произвольно. Власть, с его точки зрения есть только зависимость, существующая между правительством и исполнителями его воли. Власть отдает приказ, который должно исполнять, но не всякое приказание исполняется. Приказание и исполнение таким образом взаимосвязаны между собой. Эту зависимость Толстой определяет как закон. Согласно этому закону, чем меньше люди могут приказывать, тем больше их число, и наоборот, чем больше они приказывают, тем число их становится

---

[1] Короленко В., Лев Николаевич Толстой (Русское богатство), 1908, N8, стр.134

[2] Толстой Л.Н., Предисловие к статье В.Г.Черткова "О революции", Полн.собр.соч., Т.36, стр.151-152

меньше. Символ власти - пирамида, в вершине правители, в основании - народ. В этом сущность власти.

Властные отношения во всех существующих обществах, по убеждению Толстого, строятся строго по вертикальной зависимости. Задачей же является их коренная перестройка, изменение действий по их направленности, то есть переход к горизонтальным отношениям сотрудничества, взаимодействия, самоуправления. Приверженности Толстого идее самоуправлния отражает его тождество с русской традицией анархизма.

Христианско-этический анархизм Толстого как антиэтатическое учение о безвластном общественном идеале выступает одной из исторических форм отечественного анархоколлективизма. Отличительной чертой философии политики великого писателя является отрицание государства, насилия и власти по сугубо нравственным мотивам. Средством оппозиции любым формам принудительного насилия такой анархизм считает "непротивление злу насилием". Доктрина ненасилия - наиболее характерная особенность мировоззрения Толстого. Нравственно-религиозный анархизм писателя явился значимой вехой в исторической эволюции анархической идеи, выступает в качестве важнейшего фрагмента мировой и отечественной политической и духовной культуры.

СПИСОК
РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Адлер Г. Анархизм. Историко критический очерк. СПб., 1906

Амон А. Социализм и анархия. М., 1906

Боровой А. Анархизм. М., 1918

Венгеров С. Толстой (Энциклопедический словарь) Издатели: Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон. СПб., 1901, Т.XXXIII

Галактионов А., Никандров П. Русская философия IX-XIX вв. Второе издание. Л., 1989

Галеви Д. Анархизм и социализм. М., 1906

Гусейнов А. Этика ненасилия. Вопросы философии. 1992, N3

Кожурин Я., Кучина Л. "Социалистические мечтания" Л.Н.Толстого. Общественно-политические институты и движения: проблемы теории и истории. Л., 1991

Кульчицкий Л. Современный анархизм (от Кропоткина до настоящей эпохи). Пг., 1917

Левицкий С. Очерки по истории русской философской и общественной мысли. В 2-кт. Франкфурт/Майне, 1981

Литературное наследие. У Толстого. 1904-1910. "Яснополянские записки" Д.П.Маковицкого. Т.90, Кн.I-IV, М., 1979

Мамут Л. Этатизм и анархизм как типы политического сознания (домарксистский период). М., 1989

Мейлах Б. Уход и смерть Льва Толстого. М., Л., 1960

Пругавин А. О Льве Толстом и о толстовцах (очерки, воспоминания, материалы). М., 1911

Скворцов В. Духоборы в Америке и граф Л.Н.Толстой. СПб., 1900

Трубецкой Е. Спор Толстого и Соловьева о государстве. О религии Льва Толстого. Сборник второй. М., 1912

Ячневский В. Общественно-политические и правовые взгляды Л.Н.Толстого. Воронеж, 1983

Дж.Бернхейм - профессор философии
университета в г.Сидней (Австралия)

ДЕМОКРАТИЯ ЧЕРЕЗ СТАТИСТИЧЕСКИЙ ВЫБОР ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ

Действительно ли у нас существует демократия? Нет! Нет, если это означает, что все граждане имеют одинаковые возможности активного участия в общественной деятельности. На самом деле, то, что мы реально имеем, лишь конкуренция между элитными группировками за большинство голосов, которое дает им право править. Мы выбираем профессиональных "посредников от власти", которые занимаются торговлей своими голосами и покровительством. Результат этой игры обусловлен концентрацией власти в организациях, деятельность которых затрагивает многих людей, но не контролируется ими непосредственно. Это политические партии, коммерческие организации, всевозможные лобби и т.д. Они, в свою очередь, пытаются манипулировать общественным мнением и поведением на выборах, особенно относительно небольших групп "колеблющихся избирателей". В целом власть электората сведена к отказу переизбирать правительство, притесняющее эти стратегически важные категории избирателей. Такая система лучше всех своих конкурентов, хотя ее недостатки весьма серьезны.

Главная проблема заключается в признании необходимым организовывать общественную жизнь во всем мире в форме государства. Государство осуществляет верховную власть над всеми аспектами жизни на данной территории благодаря своей монополии на легитимное применение насилия. Государственная система обычно способна обеспечить мир и порядок внутри каждой отдельно взятой страны, но происходит это ценой войн между государствами, или во всяком случае постоянной тенденции к ним. Внутреннее спокойствие достигается за счет концентрации власти, что порождает злоупотребление ею. Противоборствующие группировки стремятся использовать государственную власть в своих собственных целях, что влечет за собой усиление тенденции к постоянному расширению функций государства и средств, предоставляемых в его распоряжение. Социальная жизнь все более и более стандартизируется, бюрократизируется и мистифицируется. Задачи правительства усложняются, и вслед за неудачами в их решении оно втягивается в репрессии и войны.

Зищитникам "малого правительства" противопоставляют эффективность и ответственность рынка негибкости, расходам и "удушающему эффекту" бюрократии. Но и рынок далеко не демократичен. Если он и обеспечивает, скажем, покупателям гибкие возможности, то в то же время это означает ограничение возможностей большинства продавцов. Мы просто продаем друг другу право сказать нам, чем нам заниматься на работе. Более того, рынок не способен учесть такие вещи как потребности будущих поколений, заготовление благ или исправление несправедливости. Поэтому признается необходимым существование государственного сектора экономики, хотя о его размерах можно спорить до бесконечности.

Одна из наиболее важных функций государства – налогобложение. Я, как и Генри Джордж, считаю, что общественный доход должен поступать от природных ресурсов, хотя и до некоторой степени по-другому вижу наиболее разумный путь их использования. По-моему, следовало бы вообще упразднить налоги, если это возможно.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ

В государственной системе централизованными органами власти на всех уровнях обеспечиваются разнообразные общественные блага. Даже в отдельно взятом городе, муниципалитете, графстве центральными органами осуществляется множество функций (дороги, парки, рекреации, клиники, библиотеки, строительство, мусор и т.д.), хотя, возможно, нет никаких оснований для этого. Ведь проблемы библиотек, мягко говоря, отличаются от проблем утилизации отходов, и у каждой из них гораздо больше сходства с родственными организациями в других регионах, чем друг с другом. Более того, принимая во внимание современную мобильность и разброс мест, где люди работают или отдыхают, можно утверждать, что местное сообщество вряд ли существует. Мы принадлежим ко многим специализированным сообществам, которые частично совпадают.

Разнообразная деятельность людей сводится воедино на муниципальном уровне исключительно из-за необходимости административного и финансового контроля. Не лучше ли передать управление каждой отраслью в руки заинтересованных комитетов? Таким образом мы бы уничтожили прослойку бюрократов, обеспечили бы более гибкое районирование и увеличили возможности участия.

Тот же принцип мог бы быть применен на других уровнях управления, вплоть до международного. Идея всемирного государства ужасающа. Но уже существуют несколько международных организаций, которые осуществляют значительную власть в конкретных сферах, не завися при этом ни от какого высшего органа. Функции государства могли бы быть "распылены" по множеству независимых органов. Последние должны бы были скооперироваться между собой и определить свои регулирующие и третейские органы, для разрешения споров, представления апелляций, "подстройки" под меняющиеся обстоятельства и потребности. Насколько эти высшие органы нуждаются в координации, решит не какая-то верховная власть, способная заставить подчиниться своим приказаниям, а общепризнанный третейский суд, разрешающий споры. На органы, отказавшиеся выполнить решения арбитражного суда, налагались бы санкции, по которым запрещается сотрудничество с ними. А поскольку такое сотрудничество жизненно важно, то санкции эти будут весьма действенные. При этом никакого "самодостаточного" или высшего органа не должно быть.

ДЕМОКРАТИЯ ЧЕРЕЗ СТАТИСТИЧЕСКИЙ ВЫБОР ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ

Если предположить, что действительно возможно вместо организаций, обеспечивающих различные общественные потребности, создать специализированные функциональные агентства, то как демократично их контролировать? Выборы не дают

удовлетворительного ответа на вопрос. Каждый из нас заинтересован в функционировании громадного количества сфер деятельности, но не потому, что активно в них вовлечен, а потому, что в разной степени, но подвергается их воздействию. Поскольку мы не в состоянии ознакомиться с различными платформами во всех этих сферах, с кандидатами на должности или с политическими проблемами, встающими на пути реформ, то мы и не можем разумно проголосовать в большинстве случаев. Более того, учитывая крайне малую вероятность того, что наш голос как-то повлияет на результат, вряд ли стоит и пытаться. С другой стороны, большинство из нас смогло бы получить все сведения о нескольких сферах деятельности, если бы у нас была какая-либо побудительная причина для этого, например реальный шанс высказать свое мнение. При отсутствии такой возможности в большинстве случаев мы мало что способны сделать, кроме как отдать свой голос за какую-то партию. По крайней мере, поддержка партии говорит нам хоть что-то о кандидате. Но таким образом мы вновь отдаем власть в руки партийной машине, сильным лобби, профессионалам по созданию имиджа. Политика становится карьерой, а карьера зависит от покровителей. В игре за власть смена правил и лидеров происходит ценой общественнозначимых уступок. Альтернативный вариант состоит в том, чтобы не выбирать представителей голосованием, дающим весьма скудную информацию, а использовать "статистическую процедуру", гарантирующую, что представители, действительно представляют тех, на кого будут влиять решения, принимаемые ими, и придающую значение тому, каким образом эти решения будут влиять на различные группы. Представителям необходимо проявить инициативу, выдвинув свою кандидатуру для выбора; причем можно ожидать, что в большинстве сфер у них будет неплохой шанс раньше или позже попасть в соответствующий комитет. Поэтому не лишены смысла их попытки глубже проникнуть в проблемы, представляющие наибольший интерес. Более того, мы вправе ожидать, что такие комитеты будут более отвественно относиться к преложениям и критике, чем политики и бюрократы, которые известны нам сейчас.

Процедура статистического выбора гарантирует, что представители действительно представляют тех, на кого будут влиять их решения.

Члены каждого комитета будут сменяться один за другим через регулярные интервалы времени. Конечно, политические организации могли бы побудить своих членов выдвинуть свою кандидатуру в разные комитеты в надежде повлиять на их деятельность. Но у партий не будет такой власти над своими членами, какую они имеют сейчас, поскольку не останется места для покровителей, одобрений, повышений и т.д. и т.п. Также трудноосуществима задача коррумпирования комитета из-за постоянной и произвольной смены его состава. Кроме того, те, кто уже отработал в комитете, будут, вероятно, внимательно следить за своими преемниками. Если они определенно изменили ориентацию, то это вызовет наплыв выдвиженцев с противоположной точкой зрения в следующем раунде "статистических" выборов.

Верховные органы, распределяющие ресурсы, разрешающие споры, принимающие жалобы и т.д. и т.п., будут выбираться большинством из числа кандидатов, выдвинутых нижними органами и имеющих необходимые качества для решения более сложных задач. Очевидно, что существует много способов использования такой структуры в различных общественных системах.

Мои личные симпатии склоняются к "рыночному социализму", при котором каждый из основных природных и аккумулированных ресурсов будет вверен комитетам "опекунов", которые бы сдавали его в аренду предпринимателям, будь это частные лица, компании или кооперативы, на условиях соблюдения общественных интересов, защиты окружающей среды, интересов будущих поколений. Арендная плата будет достаточно высока, чтобы обеспечить реальный доход, из которого каждый комитет будет получать оговоренное количество денег на более-менее зафиксированные цели (например, социальное

"...И в случае избрания я обещаю правительство из людей, для людей, в людях, через, вокруг, сквозь, над, за, при, после, с и без людей..."

страхование). Остаток распределяется на стипендии различным общественным органам, обращающимся за поддержкой. Таким образом, не будет ни налогообложения, ни верховной власти над общественными ресурсами и финансами.

Эта идея дает возможность революционизировать сложное современное общество без концентрации власти в революционной партии.

Конечно, это лишь примерная схема, которая призвана дать пищу для дискуссий, пробудить мысль и, в конечном итоге, действие. Более подробно и в деталях я попытался обосновать ее в своей книге "Возможна ли демократия?". Мои идеи дают возможность революционизировать сложные передовые общества без концентрации власти в революционной партии. По меньшей мере, они предлагают способ удовлетворения общественных потребностей с одновременным сведением на нет власти государства, даже если полное ее уничтожение недостижимо. И наконец, они дают шанс обществу, погрязшему в коррупции и фиглярстве политических партий, вовлечь в обсуждение общественных проблем всех, кто хочет сказать и свое веское слово.

ЦЕЛИ

Многие радикалы настороженно относятся к идее "статистического" выбора представителей, поскольку слишком цепко держатся за принцип верховенства элит, изменяющих общество сверху, несмотря на всю их демократическую риторику. Отметим два важных момента этой идеи. Первый. Представление существующих интересов привело бы к замораживанию существующего образца общественных отношений. Вполне законное внимание постоянно уделяется некоторым проблемам, поэтому принимаемые по ним решения, видимо, будут подвержены последовательным изменениям (например, перестройка комитетов первого уровня). А значит догматы, правила представительства достаточно просто могут быть изменены в каждом конкретном случае, поэтому система будет гибкой и динамичной. Второй момент. Рядовые граждане, обыватели сплошь и рядом явно консервативны и недальновидны. Они могут хотеть сохранить существующий порядок, поскольку привыкли к нему и боятся перемен, даже если перемены принесут выгоду в будущем. Так, например, люди зачастую предпочитают скорее плохонькую работенку, чем риск оказаться безработным и попытаться найти лучшее место. Я хочу доказать, что, если люди сильно втянуты в перестройку и вынуждены сталкиваться с проблемой поиска наилучшего компромисса, то они примут вызов. И нужно помнить, что среди тех, кого будут представлять, найдутся не только консерваторы, пытающиеся сохранить существующие порядки по причине их выгодности для себя, но и те, на кого эти порядки влияют крайне неблагоприятно.

Многие радикалы настороженно относятся к идее "статистического" выбора представителей, поскольку слишком цепко держатся за принцип верховенства элит, изменяющих общество сверху, несмотря на всю их демократическую риторику.

Многие консерваторы и немало радикалов привержены идее, гласящей, что чем дальше власть от конкретных проблем и интересов в каждом отдельном случае, тем более она справедлива и беспристрастна. Поэтому они настороженно относятся к перспективе

активного сближения (в процессе принятия решений) непосредственно заинтересованных лиц. Я считаю, что подобная настороженность вполне оправдана в случае, когда демократическое участие принимает форму массового голосования, политических партий или групп давления. Но я в равной степени уверен в том, что эти проблемы преодолимы, если предоставить их решение в руки хорошо осведомленных и способных найти решение людей, ничем не обязанным вышеупомянутым организациям. Практически всем ясно, что в современном обществе любое решение (экономическое, техническое, личное) неминуемо является компромиссом, поскольку принимает в расчет конфликтующие соображения. Важно только, чтобы рассматривались действительно относящиеся к данному вопросу факторы. Чем дальше отходят от конкретной ситуации, тем неизбежно ее идеологизируют, затрагивают интересы "высшей" власти, и т.п. Часто правительственные органы не могут принять очень привлекательное и разумное решение из-за его административной трудноосуществимости, так как боятся создать прецедент или потому, что решение идет вразрез с идеологическими представлениями, никак не связанными с реальным положением.

Наконец, может случиться так, что акцент на переговорах между представителями заинтересованных сторон, может привести к замалчиванию более широких моральных, социальных аспектов проблемы.

На мой взгляд, подобное утверждение ошибочно. На первом месте у людей, собравшихся найти согласованное решение конкретной проблемы, не споры о получении вознаграждений, обеспечении своих узких интересов, а дискуссия об основных экологических, социальных последствиях решений, влиянии на подрастающее поколение. Действительно, там, где есть конфликтующие интересы, там решающими аргументами для достижения соглашения могут стать лишь подобные всеобщие соображения. Очевидно, что более эффективно такие проблемы решаются в среде обычных людей. Мы видели уже остаточно неудачных попыток улучшить общественные отношения посредством бюрократических процедур. Пришло время дать больше власти подлинно ответственным органам.

СТРАТЕГИИ

Одно из преимуществ системы, которую я защищаю (называя ее "*демархия*"), состоит в том, что она может вводиться постепенно. Первый шаг на этом пути - довести до сознания людей идею о том, что подлинное представительство - "статистическое". Маловероятно, чтобы эту идею приняли всем сердцем. Элитизм прочно укрепился в нашей культуре; исключение составляют лишь те, кто сильно в нем разочаровался. Начало распространению идеи "статистического" представительства могут дать совещательные органы, по типу созданных Центром Джефферсона. Постепенно временные исследовательские, консультативные комитеты перейдут на постоянную основу, добиваясь предоставления им исполнительной власти.

Первый шаг на пути к "демархии" - довести до сознания людей, что подлинным является только "статистическое представительство".

Одновременно можно вернуть к жизни школьные советы, госпитальные коллегии, и другие институты подобного рода, но на демархической основе и с большими правами. Необходимо доказать,

что такие органы способны эффективно управлять, а не служить прикрытием бюрократов или справляться с узкопрофессиональными проблемами.

После передачи дел в руки этих органов и получения первых результатов можно ожидать волну поддержки за распространение принципа на другие сферы управления. Мы смогли бы начать уничтожение государства.

Прошло менее ста лет после признания голосования общепринятой демократической процедурой, несмотря на первоначальные мрачные опасения, которое и поныне остается единственным способом народного управления государством. Но голосование не дало подлинной "демократии участия", оно и не могло этого сделать. Пришло время подумать о подлинно демократическом обществе на реалистической основе.

Перевод с английского ***Скачковой О.***

Майшев А. - редактор информационно-издательского агентства анархистов "АН-ПРЕСС"

К вопросу о дальнейшем развитии анархической теории

Подходит к концу кровавый, революционный XX-й век. Вместе с ним заверается и целая эпоха в истории анархизма - эпоха бескомпромиссной борьбы за идеалы безвластия, расцвеченная яркими кострами Махновского движения, Кронштадского восстания, Испанской революции и многих других больших и малых побед наших товарищей во всем мире. Уходит в прошлое и отчаянный "безмотивный" террор "бомбистов"-одиночек и массовые вооруженные выступления мятежных рабочих, крестьян и солдат, шедших на смерть ради свободы и справедливости. Остается слава и вечная память десятков тысяч доселе безвестных Строителей Нового Мира...

Мы, анархисты девяностых, стоим в самом конце этой длинной цепочки идеалистов - последователей самого гуманного социально-этического учения. Ибо ощущая затылком их призрачный взгляд, бережно сохраняя преемственность традиций свободомыслия, мы, тем не менее, делаем с в о е дело, исходя из велений с в о е й совести и руководствуясь доводами с в о е г о разума. А это значит, что, листая потрепанный томик Бакунина, Кропоткина или Прудона, вычеркивая по карте маршруты боевых рейдов Повстанческой армии Махно или изучая методы профсоюзной борьбы анархо-синдикалистов революционной Испании, мы критически оцениваем мысли, идеи и образ действий наших героических предшественников, безусловно уважая их взгляды, но не испытывая священного трепета перед величием их авторитетов. Кроме того, мы должны постоянно иметь в виду строгую зависимость тех или иных аспектов высказываемых идей или практических действий анархистов XIX - начала XX века от конкретных исторических и социально-политических обстоятельств того времени, дабы не впадать в грех слепой схоластики. Поэтому-то нет и не может быть в принципе какой-либо "анархической Библии", раз и навсегда зафиксировавшей

бы основополагающие постулаты учения. Анархизм обречен быть изменчивым как само время, непрерывно корректируя свое мировоззрение в соответствии с обстоятельствами окружающей жизни. И сейчас, на пороге третьего тысячелтия, настоятельная необходимость решительных перемен в теории и практике анархического движения ощущается как никогда остро.

Как справедливо писал в 1990 году анархо-синдикалистский журнал "Община", "...старый, напористый, террористически боевой анархизм умер, не выдержав проверки временем. Его идеи, плохо понятые тысячами неподготовленных, темных людей, были во многом дискредитированы". Действительно, с этом трудно не согласиться: немногие сейчас всерьез решатся, пренебрегая опытом истории, штыком и маузером насаждать безвластие. Но это ни в коем случае не означает, что многовековая мечта человечества о свободном и справедливом мире без границ и таможен, без правительств и армий, без угнетения, насилия и власти, должна быть предана забвению.

Анархизм не уходит с исторической арены, а, напротив, приобретает сейчас особое значение, как, пожалуй, единственное альтернативное социально-философское учение, которое благодаря своему мощному нравственному потенциалу, способно стать идейной основой для формирования не только нового безгосударственного самоуправляющегося общества, но и принципиально нового мировоззрения, условно называемого "этикой сосуществования". Однако очевидно также, что ни одно из таких традиционных направлений "классического" анархизма, как анархо-коммунизм, анархо-синдикализм, анархо-индивидуализм и т.д., в "чистом" виде не может (по крайней мере, в современных российских условиях) стать той самой "идеологией будущего", призванной способствовать решению глобальных проблем и противоречий человеческого общества через освобождение личности, поскольку всем им, в той или иной мере, присуща излишняя ортодоксальность и догматизм, а также отсутствие достаточно серьезной позитивной программы в сочетании с крайним радикализмом и "левизной". Кроме того, сегодняшние последователи вышеназванных направлений анархизма нередко допускают в своей социально-политической деятельности грубейшие тактические и стратегические ошибки, благодаря чему во многом современное российское анархо-движение находится в состоянии глубокого кризиса. И это тем более прискорбно, что, как известно, Россия имеет богатейшие традиции свободомыслия и стихийного анархизма, ведущие свою историю от общинной, языческой, дохристианской Руси, через казацкую "вольницу" позднего средневековья, к мятежным матросам Кронштадта и повстанческим отрядам Махно. То есть сам этнический и исторический менталитет российского народа в принципе глубоко анархичен. Следовательно, тот факт, что современные российские анархисты оказались сейчас по сути на обочине политической жизни общества, служит еще одним доказательством необходимости решительного переосмысления многих устаревших постулатов традиционного анархизма в сочетании с постоянной теоретической работой и активным поиском новых форм практической деятельности. Но этого мало. Узость и догматичность существующих ныне основных анархических течений давно уже не позволяют по-настоящему реализовать весь огромный творческий потенциал движения. Очевидно, что эта проблема разрешима только путем синтеза различных направлений "классического" анархизма в единое целое и создания на этой основе новой, универсальной теории. При этом безусловной ревизии следует подвергнуть все те

положения как отдельных направлений, так и всего анархического учения в целом, которые в условиях научно-технической революции, постоянного роста производительных сил и, как следствие, необратимо изменившихся условий жизни общества и отдельных людей, являются на сегодняшний день явным атавизмом или утопией. Напротив же, те постулаты традиционного и современного анархизма, которые и по сей день сохраняют свою важность и актуальность и составляют в то же время основу его мировоззерния, должны быть бережно объединены в стройную и гармоничную систему. Конечно, при таком методе работы неизбежно сохраняется субъективность в определении "силы" и "слабости" тех или иных сторон анархической теории, но этот изъян неизбежен и любом другом случае, когда речь идет о конкретных вопросах социального моделирования.

Начиная с 1989 года, инициативной групмой санкт-перербургских анархистов целенаправленно изучается комплекс вопросов, связанных в разработкой новой, современной анархической концепции. В процессе этой работы тщательному анализу подверглись все основные положения програмных документов и декларативных заявлений трех основных направлений так называемого "классического" анархизма, существующих и действующих на сегодняшний день в России - анархо-синдикализма, анархо-индивидуализма (маргинального анархизма) и анархо-коммунизма. Несмотря на то, что се они являются с о в р е м е н н ы м воплощением соответствующих традиционных анархических течений конца XIX - начала XX веков, им также в достаточной степени присущи все негативные (в современных условиях) стороны ортодоксального анархизма, о которых уже говорилось выше и, которые, к сожалению, способствуют дискредитации идей безгосдарственности и самоуправления широких масс населения. Но в данном случае основной целью проводимой работы являлось не столько определение отдельных теоретических ошибок и заблуждений, сколько поиск конкретных путей синтеза тех различных методов преобразования общества в соответствии с принципами "равной для свех свободы", неприкасаемости личности и добровольного соглашения, которые все более актуальны на современном этапе общественного развития и составляют в целом безусловно сильную сторону движения.

В итоге, у разработанной петербургскими анархистами в целой серии статей современной анархической концепции, условно называемой "эволюционным анархизмом", как и следовало ожидать, выявилось наибольшее количество точек соприкосновения с таким крупнейшим традиционным направлением, как анархо-синдикализм. Совпадение позиций наблюдается здесь как по многим вопросам принципиального характера - таким, как отказ от решения социальных и политических проблем общества путем насилия и вооруженной борьбы, активный антимилитаризм и гуманизм, замена унитарной государственной системы народным самоуправлением на основе федерализма, последовательный интернационализм, - так и по некоторым конкретным путям воплощения в жизнь анархических реформ, например: коллективная собственность на средства производства, прямое народное законодательство, замена государственной армии и милиции всеобщим вооружением народа и другие.

В свою очередь, новая анархическая концепция, будучи по сути глубоко индивидуалистической и эгоцентричной, включает в себя и некоторые принципы "маргинального" анархизма (являющегося

наиболее ярким современным воплощением традиционного анархо-инидивидуализма), такие как безусловный приоритет интересов личности перед интересами государства, общества и коллектива, признание права частной (индивидуальной) собственности, радикальный антикоммунизм, а также активная экологическая деятельность в сочетании с разумным антииндустриализмом.

Не удивительно также, что меньше всего общего у нового направления с так называемым "коммунистическим анархизмом" (или анархо-коммунизмом), так как, несмотря на единое для всех анархистов неприятия государства и власти вообще, последователи этого течения до сих пор пытаются одеть вечные идеалы свободы, человеческого достоинства и равноправия в смирительную рубаху "классовой теории", в противовес реалиям жизни отрицают необобществленную собственность и считают насильственную "социальную революцию" единственным способом переустройства мира. (Очевидно, что мрачный опыт нескольких десятилетий существования коммунистической империи, основанной на "классовом" марксистском мировоззрении, пролетарском "гегемонизме", национализации собственности и прочих "прелестях" "развитого социализма", так ничему и не научил современных кропоткинцев. Они, как это ни прискорбно, и поныне находятся в плену красивых, но опасных иллюзий). Но, тем не менее, даже у этого ульта-левого течения существуют некоторые несомненно разумные программные принципы (например, уже упоминавшиеся федерализм и интернационализм), которые при всем общем противостоянии позиций, безусловно разделяются новой анархической теорией.

Таким образом очевидно, что эволюционный анархизм является

не экстравагантным порождением чьего-либо индивидуального политического тщеславия, а созданным в результате длительной теоретической работы своеобразным сплавом наиболее жизнеспособных и прогрессивных сторон традиционных анархических направлений. Благодаря этому, новая концепция гораздо более универсальна по отношению к непрерывно меняющимся реалиям окружающего мира, чем все предшествующие. Конечно, у теории эволюционного анархизма есть и свои, присущие только ей идеологические особенности, например, принцип Социальной Эволюции, давший название направлению и признаваемый в качестве основного стратегического пути развития человеческого общества. Из него логически вытекает отказ от стремления к насильственной революционной "скачкообразности" исторического процесса и признание необходимости существования на пути к безгосударственности и народному самоуправлению некоего переходного периода, характеризуемого усилением либеральных реформ, рыночной экономикой, последовательной децентрализацией социальной сферы и другими признаками свободного демократического общества. Кроме того, концепция анархизма эволюционного направления допускает также, наравне с другими тактическими методами пропаганды и борьбы за осуществление своих идей, участие анархистов деятельности местных представительных органов власти и других общественных структур с целью проведения в них политики, соответствующей целям и задачам Социальной Эволюции и постепенного разрушения их изнутри (так называемая "тактика энтризма"). Это воспринимается не как отход от безвластия, а лишь как использование различных доступных нам форм реализации наших взглядов (не стоит забывать также, что в 1918-1920 годах этого столетия такие известные анархисты, как А.А.Карелин, А.Э.Ге и некоторые другие считали возможным участвовать в заседаниях большевистского Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) и даже сформировали в ней фракию анархистов - что это, как не наглядный пример политического энтризма?). Что касается социальной базы эволюционного анархизма, то здесь безусловный приоритет отдан так называемому "среднему слою" - с силу целого ряда причин наименее зависимому от государства и потому являющемуся своеобразным стержнем будущего гражданского общества. Провозглашая также условность существующих ныне границ государственных национально-территориальных образований, анархизм эволюционного направления объявляет своим глобальным, стратегическим идеалом свободное полинациональное объединенное человечество.

В итоге из всего вышеизложенного видно, что объективная необходимость в появлении новой, прогрессивной теории анархизма, учитывающей особенности развития современного общества и объединяющей сильнейшие стороны других, традиционных анархических направлений, привела к созданию концепции эволюционного анархизма. Разумеется многие аспекты этой концепции требуют дополнительной проработки и аргументаии, многие вообще пока ускользнули из поля зрения всоеобразного "авторского коллектива", но в целом есть серьезные основания предполагать, что с появлением на политическом небосклоне эволюционного анархизма как самостоятельного направления общественной мысли положено неплохое начало непрерывному поступательному развитию общемирового анархического движения в условиях нового тысячилетия.

похвала махновщине*

"А Махно спешит в тумане
По шляхам просторным
В монастырском шарабане,
Под знаменем Черным."

Э.Багрицкий

Наш очерк не "апология" Анархизма и Махновщины, а расссуждение, разговор о некоторых эпизодах русской революции, о российской безумщине, вскользь о деньгах, о хлебе, о главных вехах махновского движения по фактам и цифрам, известным теперь всем любопытным читателям. Сразу оговорюсь, что, излагая историю махновщины, мы заранее отвергаем шаблоны как врагов, так и почитателей этого удивительного явления русской истории, в центре которого стоял Великий Человек Нестор Иванович Махно.

Нашему герою крупно повезло. Он сразу, еще при жизни, попал в легенду. Бред, чушь и ложь плелись за ним следом, превращая гражданина с паспортом в миф и сказку.

21 октября 1889 года, в семье кучера Ивана Михненко и Евдокии Передерий родился пятый по счету сын, Нестор. Через год умер отец. Бедность семьи была до такой степени удручающей, что видавшие виды жители Гуляй-Поля, проходя мимо соломенной хибары Махно, покачивали головами. В семье вдовы все от мала до велика работали, но достатка не заводилось. Едва вставшего на ноги Нестора отправили на заработки. Он пас барских коров, батрачил у богачей, забивал гвозди в мастерских некоего господина Кернера, получая 25 копеек в день. В 1904 году из семьи выдернули в рекруты Савву и погнали на японский фронт, откуда он вскорости вернулся без ноги.

Бунты 1905 года, вспыхнувшие на просторах необъятной России, захватили и подростка Нестора Махно. В родном Гуляй-Поле он сошелся с бунтарями, чехом Владимиром Антони и Прокопом Семенютой, читавшими по ночам книжки Бакунина и Кропоткина. Вскоре они приступили к настоящему делу. С оружием в руках они чистили банки, почтовые поезда, дома богачей и немецких колонистов. Деньги в кабаках не проматывали, а тащили в типографию г.Александровска, где тискали прокламации с призывом к "мировой социальной революции". В 1907 году Нестор попался на мокром деле. Но после шести месяцев допросов от него ничего не добились, и он был выпущен на поруки. В следующем, 1908 году, засланный в группу анархистов провокатор,донес о готовящемся налете, и 14 боевиков во главе с Лейбой Гореликом были повязаны. Снова Александровский Централ. За "особо опасным террористом" - по доносу - висело: распространение литературы преступного содержания, вооруженный грабеж и убийство пристава Янчука-Кобылина, - смертная казнь или вечная каторга. Утомительно долго тянулось следствие. 26 марта 1910 года суд приговорил восемнадцатилетнего Нестора Махно к смертной казни через повешение. 52 дня Махно просидел в камере смертников, после чего последовало постановление: казнь заменить каторгой сроком в 15 лет. Заболевшего чахоткой, закованного в кандалы преступника 2

---

* Перепечатано из журнала "Вольное слово", Париж, 1986

августа 1911 года переправили в московские Бутырки.

Земской школы, которую Махно окончил с отличием, было недостаточно, чтобы овладеть "идеями анархизма". Настоящие "университеты" начались в тюрьме. "Он вечно был в спорах, расспросах, бомбардировал тюрьму своими записками" - вспоминает его сокамерник и биограф, анархист Аршинов-Марин. "В тюрьме я прочитал всех русских писателей, начиная с Сумарокова и кончая Львом Шестовым" - говорит Н.И.Махно в своей автобиографии.

"За неодобрительное поведение, он (Махно) в течение девяти лет, до последнего дня заключения, пробыл закованным по рукам и ногам, пока, наконец, восстанием московского пролетариата не был освобожден 2 марта 1917 года, наряду с остальными политическими заключенными" - вспоминает все тот же Аршинов-Марин. "Остальные", с которыми Махно близко сошелся, не разделяя взглядов, были Феликс Дзержинский, Рудзутак, через три года ставшие смертельными врагами.

В бурлящей Москве Нестор оставался недолго. Федерация Анархистов, где он остановился, влачила жалкое сосуществование. Московские анархисты торговали на базаре табаком и брошюрами князя Кропоткина, не включаясь по-настоящему в кипучую жизнь страны. Телеграмма из Гуляй-Поля поставила точки над "i". "Тогда же, весной 1917 года, вполне самостоятельной единицей стало Гуляй-Поле, в котором прочно засел вернувшийся с каторги Нестор Махно, окруживший себя в селе несколькими десятками таких же уголовных каторжан" - пишет буржуазный журналист З.Ю.Арбатов. Работой Махно стало создание "вольных коммун", о которых мечтал его учитель П.А.Кропоткин. Несмотря на трудности чрезвычайные: Россия в войне, враждебность богачей, косность бедноты, недостаток средств, впервые без вмешательства чиновников, назначаемых государством, "вольные коммуны" были созданы на русском черноземе. Зачинщиками коммун стали демобилизованные солдаты, матросы, батраки, "идейные анархисты", Борис Веретельник, Лев Коган, Яков Шнайдер, Чубенко, Гринбаум, Чернокнижник, Нестор Махно с братьями. В "Вольной коммуне N 1", осевшей в панском имении Покровское, Махно работал слесарем. Особенность "вольных коммун" заключалась в том, что они не были специализированными сельскохозяйственными, ремесленными или артистическими, а являлись самостоятельными центрами управления, производства, не зависимыми от самозванных правительств. Это восхитительное и безумное предприятие задушили на корню. Первыми пришли немцы. 27 декабря 1917 года пал Екатеринослав. Эшелоны с украинским хлебом и свининой потянулись на запад, в Берлин. Нестор Махно писал в автобиографии: "Я боялся взяться за дело, связанное с войной". А пришлось! "Федерация Анархистов Екатеринослава отпустила нам несколько ящиков винтовок. Погрузив это оружие в поезд, мы с ним приехали в Гуляй-Поле". Махно возглавил "Комитет защиты революции" и совместно с легендарной анархисткой Марусей Никифоровой отбивался от наседающих со всех сторон врагов. Через Кичкасский мост на Днепре рвались "по домам" дезертиры Русской Армии, от солдат до генералов. Немцы с подручными гетмана Скоропадского растоптали большевиков, самостийников, анархистов, монархистов и целиком прикарманили Украину. Остатки "вольных коммун" потянулись на юг. В Таганроге, в невообразимой сутолоке бегущих, большевики попытались расстрелять Марусю Никифорову и командира бронепоезда Гарина, воевавших под Черными Знаменами. Анархисты их отбили. "Отряд

*Портрет Нестора Ивановича МАХНО
выполнен Валентином ВОРОБЬЕВЫМ*

анархиста Марии Никифоровой мне хорошо известен - телеграфировал в Таганрог главком большевистских войск Антонов-Овсеенко - вместо того, чтобы заниматься разоружением таких революционных боевых единиц, я советовал бы заняться созданием их".

Нестор Махно, Гриша Василевский, Любимов, Борис Веретельник, Семен Каретник, сопровождая эшелоны "коммунаров", двинулись на Ростов. На Дону шалили казаки. "На Руси нет никакой власти" - говорил атаман Каледин. "Надо соединиться в один Юго-Восточный Союз и в виде подковы окружить Европейскую Россию" - докладывал казакам генерал Богаевский. "Русская государственность будет создаваться здесь" - заявил генерал Алексеев в газете "Вольный Дон".

На украинских съездах кричали: "Хай живе вильна Украина без жидов и кацапов!".

Бегство Махно весной 1918 года походило на разведку боем. Бывший каторжник, в свои 28 лет, он впервые открывал замечательные города: Астрахань, Царицын, Саратов, Тамбов, чтобы замкнуть круг Москвой. Федерация анархистов Москвы была разгромлена. Махно искал встречи со своим кумиром Петром Алексеевичем Кропоткины. Она состоялась. Махно тащил престарелого вожака мирового анархизма в Гуляй-Поле. Старик отказался с напутствием: "Вы редкий на Руси человек, берегите себя!" Забегая вперед, добавим, что Махно содержал семью Кропоткина до 1921 года (год смерти П.К. и уход Н.М. в Румынию).

От безнадежного старика Махно поплелся в Кремль, к Ленину. "Пропуск в Кремль ему сделал Яков Свердлов. Разговор с вождем большевиков был длинным и поучительным. Ленин очаровал Махно. Махно предлагали остаться в Москве, но он рвался драться с немцами. 29 июня, напялив черную шляпу и спрятав наган, Махно выехал в битком набитом мешочниками поезде на Украину, в Гуляй-Поле. На границе, у Курска, явились немецкие патрули. "Я быстро передал Когану (попутчику) свой чемодан с вещами, сказал ему, кому его передать в Гуляй-Поле, а сам, накинув на себя плащ, вышел из вагона и спрятался в зарослях". - вспоминает Нестор Иванович. Сначала Махно скрывался в деревне Туркеневка, у дяди Исидора Передерия. Там он узнал о зверской расправе немцев над братом Емельяном и всей его семьей. Инвалид японской войны Савва Махно сидел в тюрьме. Хибара в Гуляй-Поле сожжена,мать ночует по чужим квартирам.

22 сентября 1918 года Махно сел на "тачанку" с кучкой вооруженных соратников. Началась знаменитая партизанская война, прославившая его на веки. Как замечательно пишет Бабель: "Возы с сеном, построившись в боевом порядке, овладевают городами". И - "армия из тачанок обладает неслыханной маневренной способностью". 29 сентября, на общем сборище партизан, совместно с отрядом матроса Федора Щуся, 29-летний Махно был провозглашен "Батько" (древний, казачий чин старейшего).

После панического отступления немецкой армии Махно ударил по "самостийникам" Семена Петлюры, разделав их под орех. 27 декабря 1918 года 600 махновцев, переодевшись в крестьян, взяли полумиллионный город Екатеринослав.

Расправа ждала тех, кто запачкался предательством "трудового крестьянства и рабочих масс". У себя в Гуляй-Поле Махно не бил всех без разбору. "Я возражал против казни Тарановского, потому что он сдал по требованию штаба заговорщиков дежурство по гарнизону и практически не принимал участия в карательных мерах.

Против убийства взводного Леймонского, Сопляка и Закарлюка я не возражал. Это были предатели и преступники... Что касается артиллериста Василия Шаровского, то он не поддержал мятежников. Он снял с орудий прицелы и панорамы, и с этим мы очень считались. Кроме того, я имел в виду использовать его знания артиллерии в намеченном восстании." - вспоминает сам Махно. "Каратели" и "мятежники" (по Махно) это люди, принимавшие участие в истреблении "вольных коммун".

3 января 1919 года партизанский отряд Батьки Махно в полторы тысячи штыков и сабель превратил революцию в "махновщину" - народное движение, охватившее округ в два миллиона жителей.
I съезд "махновщины", организованный Виктором Белашем и Головко, объявил делегатам волостей, что область очищена от захватчиков и предателей, пора браться за плуг и начинать сев. Для охраны посевной кампании съезд выделил 30 тысяч добровольцев, готовых сражаться на четырех фронтах протяжением 600 верст, против "белых" на юге, против "самостийников" на западе, против "красных" на севере и на востоке.

Небылицы о "махновщине" просочились в Москву. Осторожно нащупывая ход к Махно, главком Украинской красной армии Антонов-Овсеенко, премьер Раковский, пригласили махновцев в Харьков. Депутацию встечали духовым оркестром и речами. Попытка склонить Махно к революционному походу в Венгрию ни к чему не привела. Повстанческая армия Батьки Махно не выходила из беспрерывных боев на юге, против "белогвардейцев" генерала Боровского и полковника Слащева. Белая Армия, зажатая в бесхлебном Крыму, не прочь была хапнуть украинский урожай. Махновцы били ее по зубам. По правую руку от ПАМ (Повстанческая Армия Махно), в низовьях Днепра околачивалась "Вторая Украинская Красная Армия" под водительством товарища Скачко, не принимавшая участия в боях. В Одесском округе воевал атаман Григорьев, удачно выбивая Антанту с русской земли.

Отказавшись от "венгерского плана", Москва и лично т.Троцкий решили обуздать "махновщину" при посредстве комиссаров, подчинив ее непосредственно ЦК РКПб. Во что бы то ни стало надо было изолировать Махно, анархистов "Набата" во главе со Всеволодом Волиным, анархистом с петроградских времен 1905 года, ставивших большевикам палки в колеса, а главное, получить хорошо организованную армию на тачанках, 30 тысяч бойцов и 70 тысяч резервистов, готовых встать в строй.

Еще не зная о кознях Троцкого, Махно загрузил сто вагонов пшеницей и отправил подарок в Москву голодающему пролетариату. В страну меда и молока потянулись отборные комиссары под водительством члена "политбюро" Льва Каменева. Каменев завернул в "Махноград" (Гуляй-Поле) в начале мая, со всей оравой "харьковского правительства". Совершенно обалдевший от приема, от образцового порядка "вольных коммун" и воинских частей ПАМ, он робко попытался уломать ВРС (Военно Революционный Совет) и Махно подчиниться Москве. ВРС готов был взять комиссаров в армию с условием обеспечения резервистов оружием.

Однако махновцы не получили от Москвы ни одного патрона! Мало того, Каменев прислал телеграмму: "Гуляй-Поле, Батьке Махно по нахождению. Изменник Григорьев предал фронт. Не исполнив боевого приказа, он повернул оружие. Подошел решительный час - или вы пойдете с рабочими и крестьянами всей России, или на деле откроете фронт врагам. Колебаниям нет места. Немедленно сообщите расположение ваших войск и выпустите воззвание против Григорьева,

сообщив мне копию в Харьков. Неполучение ответа буду считать объявлением войны. Верю в честь революционеров, Вашу, Аршинова, Веретельника и др." Каменев, N 277. Совершенно нетерпимая по духу телеграмма настигла Махно в Бердянске, где было очень горячо. 14 мая Азовская флотилия под Андреевским флагом бомбардировала порт. С Дона на рысях шла конница генерала Шкуро. Хорошо вооруженные кубанцы разбросали пехоту Махно в местечке Гришино и пошли гулять по тылам "махновщины". Нанося короткие удары, с необыкновенным искусством лавируя в незащищенном пространстве, погромщики Шкуро ворвались в Гуляй-Поле и устроили небывалую резню. Полк самсобороны Бориса Веретельника был вырезан целиком. Погиб командир батареи Абрам Шнайдер. За сутки кровавой работы "шкуровцы" успели изнасиловать 800 евреек Гуляй-Поля, вспороть им животы и набросать туда дохлых кошек. Все было предано огню и грабежу. "Белая Армия была пропитана антисемитизмом сверху до низу, от генеральской верхушки до солдат" - вспоминал позднее ее "главковерх" Антон Деникин. В любопытных воспоминаниях генерала Шкуро говорится: "Я постоянно твердил казакам, что не тот жид, кто еврей, а тот, кто грабит людей." И - далее, признание: "...прямые потомки запорожцев, левобережные "хохлы" гордились своим прозвищем "казаки" и мечтали о восстановлении Запорожского казачества. Больше всего симпатизировали, однако, крестьяне Батьке Махно".

Белая армия шла широким фронтом. Около станции Большой Токмак Махно сконцентрировал наиболее сильные отряды, греческие и еврейские полки, которые славились ненавистью к "белым" и дисциплиной. Семь дней, с 11 по 18 июня 1919 года, шла кровопролитная битва, где победили "белые". В разгар боев в штаб ПАМ, ст.Синельниково, прилетел "приказ нумер 1824" от 4 июня 1919 года, за подписью Троцкого, где, между прочим, говорилось: "... схватить виновника всех бед Махно, членов его штаба, культурных работников движения и передать суду Ревтрибунала!" Луганский слесарь Клим Ворошилов назначался командиром ПАМ, переименованной в "14 Красную Армию" одним росчерком пера.

Бронепоезд нового командира неспеша спускался в Синельниково, когда ему перерезал путь отряд шкуровцев. Казаки развели рельсы и полезли на бронепоезд, как вдруг налетели как вихрь тачанки Махно. Как побитая собака, Клим Ворошилов вышел из бронепоезда, принял от Махно рапорт о сдаче армии, а того и след простыл. Потрепанная армия Махно отходила к Днепру, на правый берег. В тот же день офицерская пехота генерала Шифнер-Маркевича маршировала по улицам Екатеринослава. Не встречая сопротивления, Белая Армия продвигалась к Москве, а в ее тылу творилось нечто невообразимое. "Кропоткинский полк" в 250 сабель, отборная гвардия Махно, проскочил Кичкасский мост у Александровска и врезался в районы, где безумствовал атаман Григорьев.

Нестор Махно знал - куда! Знал - зачем! "Долой атаманов-провокаторов!" 21 июля 1919 года Нестор Махно вошел в штаб-квартиру бывшего штабс-капитана Русской Армии Григорьева и, не моргнув глазом, всадил ему пулю в лоб. Штаб атамана-погромщика был перебит на месте. Троцкий обещал за голову атамана 500 тысяч червонцев. Махно казнил его бесплатно во имя "мировой социальной революции" и примкнувшим "григорьевцам" выдал Черное Знамя анархии. Через неделю лавина повстанцев катила к Южному Бугу, где Махно поджидал комбриг ПАМ Калашников. Базы снабжения и лазареты

осторожно подтягивались к ст.Помошная. Огромный обоз обездоленных и разоренных коммунаров Гуляй-Поля путался в ногах.

30 июля генерал Шиллинг (3-й армейский корпус Белой Армии) получил приказ Ставки во что бы то ни стало овладеть Новороссией. Семен Петлюра, бросая в пыль французские ружья, спрятался в Галиции. Генштаб "красного фельдфебеля" Троцкого застрял в Серпухове. Агент Махно, комбриг Красной Армии (бывшая ПАМ) Алексей Калашников бросил клич: "Смерть комиссарам! Смерть изменникам! Батько Махно поведет нас в наступление!". "Они дождались своего часа" - вспоминает бывший анархист, позднее большевик и министр Дыбец.

В селе Доброведичка Махно встретил свою армию. 12 тысяч бойцов, готовых умереть за свободу. "Великий обоз" - (15 тысяч "14 Красной Армии", 1500 сабель отряда махно, 10 тысяч беженцев, больных, раненых, тифозных) - зажатый Белой Армией под Уманью (генерал Розенфельд-Паулин с Днестра, генерал Бредов с Херсона, генерал Слащев с Днепра) ждала незавидная участь. О битве под Уманью достаточно много писали западные историки "махновщины". Получилось так, что партизаны Махно, зажатые клещами отборных офицерских полков, вышли из окружения и так ударили офицерам под зад, что те побежали сломя голову. В работу вступила махновская конница и перерезала всех до одного.

Советские историки бесстыдно замалчивают знаменитую битву 22 сентября 1919 года, сломавшую ход гражданской войны. Белая Армия Деникина квартировала в Орле, распределяя министерские кресла в Кремле, а бесславный ее конец был определен в деревне Перегоновка, под Уманью на Украине. "Махновщина" рапорола брюхо и выпустила потроха Белой Армии. Продвигаться в таком положении Деникин не мог и сдался.

Осенью 19 года начались фантастические по быстроте и бесстрашию рейды Махно по тылам Белой Армии. Развернув повстанчество в трехкорпусный состав: 1 Донецкий корпус - командир Алексей Калашников, 2 Днепровский корпус - командир Платонов-Петренко, 3 Азовский корпус - командир Петр Гавриленко, Махно буквально разносил в пух и прах важнейшие скопления и базы противника. "Обладая исключительной способностью легкого и быстрого передвижения, имея провиант в любом селе, а пулеметы, войска и патроны на тачанках, Махно в течение одного дня совершал нападения в различных концах губернии, нередко отстоящих друг от друга на расстоянии ста верст" - вспоминает в эмиграции журналист Арбатов. Начальник "ОСВАГа" (разведка Белой Армии) г-н Соколов пишет: "Особое значение приобрело движение Махно. В первой половине октября я приехал в Таганрог к Главкому по спешному делу. Генерал Деникин мог меня принять только вечером, и я провел день в городе. Всюду царила паника. Говорили, что

отряды Махно занимают Мариуполь, и что махновцы находятся в 80 верстах от Таганрога. Сил, которые можно было бы им противопоставить, почти нет. Вызванные с фронта Кубанцы никак не могут доехать. Ставка находится под явной угрозой. Махновцы были отбиты от Таганрога, и паника перекинувшаяся в Ростов, улеглась. Но "махновщина" продолжалась...". Конечно, самым безумным по смелости был захват губернского города Екатеринослава. Махно умел крылато выражаться: "Город раскатать в шахматном порядке!" Повсюду говорили: "Идет Батько Махно и несет Свободу!". 14 октября 1919 года главные силы Махно осадили город. Разметав дивизию генерала Слащева, махновцы, размахивая Черными знаменами, стройными рядами вошли в затихший Екатеринослав. Губернатор Щетинин бежал. В ту же ночь махновцы открыли тюрьмы, уничтожили все архивы и вообще все бумаги в учреждениях города. "Жуткая сказка средневековья! - восклицает журналист Арбатов. - Под аккомпанемент этой смертоносной музыки махновцы обходили квартиры чиновников и военных, убивая случайно попадавшихся там хозяев и вынося из квартир все, что можно было вынести".

Нестор Махно сурово наказывал воров, присвоивших народные капиталы. Прославленный комбриг ПАМа Лашкевич был публично расстрелян за растрату армейских денег на личные удовольствия. Начальник штаба 2-й Бригады Богданов расстрелян за наложенную на буржуазию в личных целях контрибуцию. Список можно продолжить, но он будет гораздо короче подобных же "красных" и "белых" списков.

В городе зашевилились политики и идеологи. "Предоставляем всем политическим партиям и организациям полную свободу распространения своих идей, армия повстанцев-махновцев в то же время предупреждает, что подготовка и навязывание трудовому народу политической власти, ничего общего не имеющей со свободой распространения своих идей революционным повстанчеством, ни в коем случае допущены не будут" - оповещала газета "махновщины" "Путь к Свободе" от 5 ноября 1919 года. В тот же месяц Нестора Махно свалил тиф. Попытка начдива "стальной" дивизии ПАМ Полонского взять власть над повстанчеством закончилась расстрелом. "Разведка" ПАМ - бывший эсер Попов и анархист Лев Зеньковский (Лева Задов) поймали мятежного начдива на тайной встрече с чекистом. "Бесстрашный командир, герой, организатор, хороший товарищ", по характеристике Нестора Махно, был беспощадно казнен 5 ноября 1919 года. Любопытный факт "махновщины" - в то время как тифозный вожак

отлеживался в глуши, "затяжные бои с Махно продолжались до середины декабря, то есть до начала общего отступления Белой Армии за Дон и в Крым" - писал Деникин.

Военно-Революционный Совет (ВРС) ПАМ возглавлял, вместо убитого под Уманью Чернокнижника, Виктор Белаш, "великолепный

военный стратег, разрабатывавший все планы движения
них ответственный", по свидетельству члена ВРС Петра Аршинова-Марина. (В сентябре 1921 года Белаш вернулся из-за границы в Советскую Россию по амнистии, а в 1923 году был расстрелян ВЧК, напив в тюрьме короткие мемуары о "махновщине").

19 декабря в освобожденный Екатеринослав, на готовенькое, вошла Красная Армия Троцкого. Свидетель эпохи Царапкин вспоминает: "Вдруг прибывают парламентеры от Махно с сообщением, что его армия сдается. Это была большая моральная и политическая победа. Срочно по проводу я сообщаю об этом в штаб Красной Армии, уже вступившей в Донбасс. Выделяем группу для приема махновских отрядов. И вдруг! Вместо здоровых людей в город привозят на подводах несколько тысяч тифозных больных!.." Сам Ленин говорил: "Или вошь победит социализм, или социализм победит вошь!". Лев Троцкий за год не поумнел и не исправился. Он приказал тифозной армии Махно двинуться на "польский фронт"! Никто не двинулся. В середине сурового января 1920 года Пам снова был объявлен совластью "вне закона". 10 января "особые части" КА приступили к разоружению тифозной ПАМ. Из Гуляй-Поля с верным "кропоткинским полком" под командованием Федора Щуся руководители "махновщины" скрылись в неизвестном направлении. В "Махноград" вошли Латышская дивизия и Части Особого Назначения (ЧОН), непосредственно подчиненные Феликсу Дзержинскому. Началась дикая расправа над мирным населением уезда. Типография анархистов "Набат" была разгромлена, рабочие перебиты. "Вольные коммуны" закрыты, хлеб взят, однако, поймать самого Махно им не удалось. "Я не хотел бы вернуться в Москву раньше, чем мы обезвредим Махно, - писал Ф.Э.Дзержинский жене. - Мне трудно с ним справиться, ибо он действует конницей, а у меня нет кавалерии. Если бы, однако, удалось его разгромить, то я приехал бы в Москву на несколько дней...". "Военные победы" Дзержинского были многочисленны: зверское убийство инвалида японской войны Саввы Махно с женой и детьми; под пыткой китайских палачей комбриг Березовский, прикрывавший Гуляй-Поле, сломался и стал агентом ВЧК; престарелого анархиста Петра Лепетченко, участника "налетов" 1907 года, задушили в постели; коменданта села Гаркушу посадили на штакетник, где он и скончался; казначея бригады Середу утопили в расплавленном железе; с рядовых махновцев китайцы сняли скальпы и табуном погнали в Донбасс чистить затопленные шахты. "Опьяненные убийствами, чекисты заставляли матерей брать на руки грудных детей и затем общим залпом уничтожали их!" - вспоминает Аршинов-Марин, спасшийся чудом в лесах.

Месть настигла палачей на месте преступления. Махно сел на коня под Ногайском, на берегу Азовского моря. Через сутки первый чекист упал на телефон, расплескав сивый мозг. 80 отборных

... во главе с Яшкой Щекотихиным, проколотых штыками выставили напоказ. В тот же день глава украинского ВЧК Манцев получил ответный подарок. "Повстанческое движение в районе Екатеринославской губернии с весны 1920 года разрасталось, представляя значительную угрозу ближайшему тылу 13 Красной Армии. Красное командование было настолько обеспокоено этим, что одно время вынуждено было держать в этом районе следовавшую на польский фронт Конную Армию товарища Буденного..." - вспоминает генерал Врангель, вступивший в командование Белой Армией. Махно и Буденный впервые понюхали друг друга под Купянском. При первом соприкосновении, 5 мая 1920 года, конная бригада вышла из подчинения Буденного и слилась с Махновцами. Опасаясь полного разложения войск, Буденный погнал оставшихся на Варшаву.

Командир донецкого отряда ПАМ Алексей Калашников, главный организатор мятежа 14 Красной Армии на Буге, в походе был сражен предательским снарядом, пущенным с "красного" бронепоезда. В то время, как Ленин требовал от Троцкого "усиления военных мер к полному уничтожению Махно", Донецкий отряд, пополнившись "буденновцами", продвигался в Таврию, где зашевелился барон Врангель. 13 мая Врангель обратился к махновцам, оседлавшим город Приазовье, с призывом к "священной войне против большевиков". Положительного ответа не последовало.

До майского наступления Врангеля Москва лихорадочно торговалась с Антантой. 17 апреля 1920 года лорд Керзон просил наркома Чичерина снять осаду Крыма в обмен на "вечный мир" плюс освобождение венгерских мятежников Белы Куна, интернированных в Австрии. Сделка состоялась, о чем у Ленина читаем: "Мы ответили, что готовы даровать жизнь крымским "белогвардейцам", если, со своей стороны, Антанта проявит гуманность по отношению к побежденным венгерским коммунистам, пропустив их в Советскую Россию".

Большевики мечтали о "мировой революции" и, воспользовавшись глупой вылазкой Пилсудского, двинули на Польшу огромную армию во главе с лучшими "красными" генералами. Революции в Польше не получилось. Пилсудский, подняв знамя "национальной войны", в пух и прах расколошматил Красную Армию знаменитого Тухачевского. Он пленил 200 тысяч красноармейцев и боевых коней. Барон Врангель под шумок вылез из "крымской бутылки" в богатые зерновые районы Таврии. Он, в буквальном смысле, разогнал пограничные войска "красных", утопил в болотах Волховани конный корпус Жлобы, прибывший с Дона, и 1 сентября 20 года взял Александровск на Днепре, стратегический центр "махновщины". Где Нестор Махно? Где ПАМ? В задачу "Махновщины" не входила лобовая встреча с противником. Махно берег людей! Восемь месяцев подряд, от января до сентября, республика на тачанках рейдировала по огромному пространству Украины и Южной России, атакуя гарнизоны

Врангеля и уничтожая карательные отряды ВЧК. В сентябре, измученная непрерывными боями, ПАМ приводила себя в порядок в районе Старобельска на Харьковщине.

Приказом Москвы от 21 сентября 1920 года М.В.Фрунзе назначался главкомом Южного Фронта, с указанием "временно войти в контакт с Махно, а потом под замок" (Ленин). В город Старобельск, где стояли махновцы, привалила большевистская депутация во главе с Белой Куном, депортированным венгром с задатками людоеда. Махновский штаб приготовил гостям большой сюрприз - "военно-политическое соглашение" с Москвой, настоящий дипломатический шедевр "махновщины". Политическую часть этого соглашения приводим целиком:

1. Немедленное освобождение и прекращение преследований в дальнейшем на территориях советских республик всех махновцев и анархистов, за исключением вооруженно выступающих против советского правительства.

2. Полнейшая свобода агитации и пропаганды, как устно, так и печатно, махновцам и анархистам всех идей и пониманий, без призыва к насильственному ниспровержению советского правительства, и с соблюдением военной цензуры. В деле изданий махновцы и анархисты как революционные организации, признанные советской властью, пользуются техническим аппаратом совгосударства, подчиняясь правилам техники издания.

3. Свободное участие в выборах Советов, право махновцев и анархистов вхождения в таковые, и свободное участие в подготовке созыва очередного Пятого Всеукраинского Съезда Советов, имеющего быть в декабре сего 1920 года. Уполномоченные ВРС ПАМ - Попов, Куриленко.

Скрепя сердцем, правительство Украины и Фрунзе подмахнули этот документ и спрятали его под сукно! В печати появилось лишь военное соглашение, где говорилось, что ПАМ входит в оперативное подчинение Красной Армии! "Да, Махно временный и ненадежный союзник - сказал на совещании Фрунзе, - но мы идем на соглашение с ним, чтобы обеспечить себе тыл". "Такова точка зрения и Владимира Ильича" - пишет в своих воспоминаниях Семен Буденный. Чекистка Елизавета Драбкина, прикомандированная в генштаб М.В.Фрунзе, вспоминает: "Наши стратеги за самоваром решали генеральное наступление: тарелка изображала Каховский плацдарм, арбузная корка Арбатскую стрелку, куски сахару - ударные группы войск, ломтик хлеба - Перекоп, ножи, вилки, ложки - направления ударов".

В эпоху братания с большевиками из тюрем выпустили : члена ВРС Вселовода Волина-Эйхенбаума, Петра Аршинова-Марина, Якова Суховольского "Алого", Петра Гавриленко, выдающегося революционного и военного руководителя, по словам А.М.Богуша,

анархиста из Америки, Иосифа Готмана, члена "культпросвета ПАМ".

15 октября 1920 года началось общее наступление Красной Армии по всему Южному фронту. Повстанческую армию Махновщины возглавил Семен Каретник, гуляйпольский батрак, анархист с 1907 года, с 1918 года не выходивший из беспрерывных боев. Кавалерия ПАМ вошла в подчинение Алексея Марченко, тоже гуляйпольского батрака, анархиста с 1907 года. Политическое руководство ПАМ осуществлялось анархистом Петром Рыбиным, эмигрантом из Америки, "самородковый, из низов вышедший организатор и теоретик рабочего движения" (по мнению П.Аршинова), осенью 1920 года порвавший с большевизмом и примкнувший к "махновщине". Погубив десятки тысяч солдат в гнилом Сиваше и под пушками Перекопа, Фрунзе взял Крым, и барон Врангель, усадив 150 тысяч беженцев на пароходы, отчалил в Константинополь. В середине ноября "махновщина", кричавшая "Даешь Врангеля!", очутилась в Крыму, зажатая отборными частями Красной Армии. Фрунзе имел на руках телеграмму Ленина: "Всех анархистов арестовать, обвинив их в контрреволюционных преступлениях!". 26 ноября 1920 года штаб Семена Каретника в Симферополе был окружен и уничтожен. Кавалерия Алексея Марченко, теряя лучших бойцов, вырвалась из "крымской бутылки". Депутация ПАМ в Харьков с Д.И.Поповым, Василием Куриленко, Будановым и вся конфедерация "Набата" были арестованы. Латышская дивизия, постоянно квартировавшая в Гуляй-Поле, атаковала штаб Нестора Махно в деревне Туркеневка. С раздробленной ногой Махно вывезли на тачанке в греческое местечко Керменчик. Из Крыма пробился отряд Кравченко числом 250 сабель. "Батько, теперь ты знаешь, что такое большевики!" - сказал изрубленный Марченко и горько заревел.

Диктатор Украины М.В.Фрунзе приказывал: "Всех пеших и конных махновцев расстреливать на месте пленения. Бсльшая сеть губернии находится в сфере действий и влияния махновцев. Таково положение в районе Гуляйпольском, Ореховском и почти по всему Александровскому уезду, где рассыпаны штабы Махно. Эти штабы рассылают агитаторов, разгоняют ревкомы, организуя вместо них Вольные Советы, запрещают населению исполнять "продразверстку" и снабжать красные части, вербуют добровольцев в партизанские отряды..."

Генерал Белой Армии Данилов, перешедший в Красную Армию, вспоминает: "Части его (Махно), рассыпанные по Таврии и Екатеринославщине, по его зову спешили к нему".

Началась лютая зима 1921 года. Повсюду свирепствовали тиф и голод. На поимку неуловимого Махно Фрунзе выбросил 150 тысяч красноармейцев, в то время как Махно Решил "пойти на Харьков и разогнать земных владык" (автобиография). Для начала он атаковал Бердянск, где скопились эшелоны с хлебом. 5 декабря тачанки Фомы Кожина с лету опрокинули

30-ю Сибирскую дивизию, перебили китайцев, охранявших город, взорвали здание тюрьмы, погрузили оружие и вечером оставили город. 7 декабря они овладели Гуляй-полем, а 13 уже были в Александровске. 2-я Конная армия Миронова разбежалась. Соединившись с отрядами Бибика под Полтавой и отрядами Огаркина под Изюмом, что составило 5 тысяч бойцов, Махно повел их на Харьков. С такими силами взять большой город Махно не мог, но переполох был такой, что правительство срочно грузилось в вагоны для бегства в Курск! 6 февраля 1921 года Ленин внушал: "Наше военное командование позорно провалилось, выпустив Махно, несмотря на гигантский перевес сил и строжайшие приказы поймать!"

В то время как Харьковское правительство приходило в себя, Махно погрузил армию в поезда и атаковал Александровск, где освободил 4 тысячи заключенных "трудовой армии". В середине марта на Махно бросили шесть эшелонов кронштадтских матросов. При подходе к Мелитополю эшелоны были окружены махновцами и уничтожены. В конце марта махновцы ворвались в Миргород, где чуть не попался сам Фрунзе. Он убежал, подстреленный пулей махновца.

Однако ряды выдающихся махновцев таяли. Командир Азовской армии Вдовиченко был ранен под Миргородом. Его отправили на излечение в село Новоспасовку, где он попал в руки карателей ВЧК. Его страшно мучили, заставляя отречься от "махновщины", подписав какую-то бумагу. Вдовиченко с презрением отверг это и был убит. Командир кавалерийского полка Григорий Траян погиб под Изюмом. "Пуля сразила его наповал. Рядом с ним пали Аполлон Волох и 30 других верных товарищей" - вспоминал Махно. Герой Крыма Алексей Марченко убит на Полтавщине.

За Махно гонялся и легендарный партизан Бессарабии Гриша Котовский. "Я гнался за Махно целый месяц, и никакого толку, - вспоминал Котовский, - они отлично знают местность и среду, где оперируют". 18 мая 1921 года 1-ю Конную армию Семена Буденного погнали на "махновщину" из Екатеринослава. Сам Буденный с конной дивизией подошел к местечку Стременное и был встречен дружным огнем махновцев. "Семен Буденный бросил своих соратников и, как гнусный трус, обратился в бегство" (Махно). В сабельном бою погиб Федор Щусь, партизан первого часа, личный друг Махно, бывший матрос с Балтики. Махновцы проскочили в тыл Конармии Буденного и застали врасплох штаб 14 кавдивизии. Начдива Пархоменко прошили пулями. Начштаба Мурзин и комиссар Беленков лишились всех членов и, истекая кровью, скончались у ног Маслака, буденновского комбрига, перешедшего к Махно. Конармейцы бросали оружие, тонули в Днепре и сотнями сдавались в плен.

В мае месяце на Махно бросили Феликса Дзержинского. Обложившись штыками ВЧК, Ф.Д., по иронии судьбы, спускался по

Днепру на корабле под названием "Нестор Летописец". В Александровске на пароход привели красавицу Эльзу Грутман, заявившую, что она деятельный работник "культпросвета" махновцев. Красавица выдала все, что знала, и получила от "товарища Юзефа" номер "39" и задание убить Махно по нахождении. В Херсоне ее спустили на берег с подводой и кучером. Под Мелитополем ее выловил Лев Зеньковский (Задов) с "разведкой" ПАМ - Миша Левчик, Аба Гордин и Яшка Воробьев, брянский анархист из отряда Огаркина. Россказням Эльзы не поверили, но выпустили ее на волю с приглядкой. В Павлограде, за триста верст от Мариуполя, Эльза вошла в никому неизвестный дом и заночевала, там она и была поймана.

В Нестора Махно не раз бросали бомбы подосланные шпики ВЧК, но на сей раз "разведка" накрыла целое гнездо агентов и предателей, готовивших убийство вожака повстанчества. Махно сам явился на их допрос. "Умел предать, умей и умереть!" - были его последние слова. Гнездо "кремлевско-лубянской жандармерии" вырезали.

"Все лето мы не выходили из боев" - вспоминает о том времени Нестор Махно. На долю "красного" генерала Виталия Марковича Примака-Примакова выпало больше всего государственных наград. Его армии "червонного казачества" поручили поимку Махно на правом берегу Днепра.

Перед тем как перебраться навсегда в Румынию, Батько Махно направил Особую Донскую группу под водительством Маслака и Бровы на Дон, откуда они были родом. Группа Иваняка ушла под Харьков. Пулеметные тачанки Фомы Кожина оставались на Черниговщине. Огаркин с отрядок откочевал к Орлу. Бибик вернулся на Полтавщину. Виктор Белаш оставался с Азовской группой у Таганрога. "13 августа с сотней кавалеристов я взял направление к Днепру и в районе Кременчуга пересек реку. В тот же день был шесть раз ранен, но не тяжело..." - говорит Махно. 19 августа махновский отряд соединился с отрядом Тарановского (150 сабель) и вступил в бой с "червонцами" Примакова. Бой был жарким. Захватив 13 пулеметов противника, махновцы лихим галопом прошли сто верст, отбиваясь от бесчисленных заграждений войск ВЧК. В тот рейд погибло 17 лучших бойцов и среди них бесстрашный Ефим Тарановский, гуляйпольский еврей, командир конного полка и последний из начштаба ПАМ. Из Подолии "я делаю изменение маршрута" в Бессарабию. 26 августа гибнут Платонов, Чубенко, Данилов, Василевский, Иванюк - цвет "махновщины"! "Я лежал без чувств на тачанке, охраняемый и доглядываемый Львом Зеньковским" - вспоминает Махно. 28 августа отряд Махно пересек Днестр у деревни Монастырка и вошел в Румынию.

30 августа одна из Румынских газет сообщила, что насквозь прошитый пулями (12 ран), с перебитой ногой и контузией,

воспользовавшись мелководьем Днестра, "атаман Махно" и 77 его сообщников перешли в Румынию и сложили оружие. Через две недели Россия (нарком Чичерин) и Украина (Раковский) потребовали выдачи Махно.

"Известный бандит Махно перешел границу с шайкой своих приверженцев, ища убежища на территории, которая фактически находится под властью Румынии. Этот разбойник, в качестве главаря преступных банд, совершил на территории Советской России и Украины бесчисленные преступления, сжигая и разграбляя деревни, избивая мирное население и пытками вымогая у них имущество. Ввиду этого Российское и Украинское правительства обращаются к Румынскому правительству с формальной просьбой выдать им как обыкновенных уголовных преступников упомянутого главаря шайки с его соучастниками". Обмен нотами и торг продолжались полгода. Румыны Махно не выдали. Жизнь в лагерных бараках, где кишели вши, раненные без лекарств и перевязок, с кукурузной похлебкой на обед, ломала психику интернированных. 30 командиров ПАМ, среди которых был Василий Шаровский, бессменный командир артиллерии, друг Махно, родом гуляйполец, член ВРС Зверев, электротехник Пахарь, начальник связи Полено, комполка Фома Каретник, сдались на милость победителей. 2443 рядовых махновца с тяжело раненным Виктором Белашем были взяты на Украине.

Присутствие Махно с кучей приближенных, с которыми румыны не знали как поступить, мешало нормальным связям с Москвой. Москва же делала все возможное, чтобы утопить "махновщину" в грязи идеологически. Ренегат Исак Тапер, по заказу ВЧК, написал памфлет под названием: "Анархист в ногах румынского короля!" Весной 1921 года, после восьми месяцев заключения в лагерях, румыны организовали побег Махно и четырем его сообщникам - Якову Домошенко, Кумаре, Шнарыйму и Галине Андреевне Кузьменко, жене "бандита". К беглецам пристал некто Адольф Красновский, впоследствии сыгравший роль провокатора.

22 апреля польские жандармы доставили перебежчиков в лагерь. Польша 20-х годов жила как на пороховой бочке. Страна обнищала от войны, в сейме дрались на кулаках, "черный рынок" достиг размеров необозримых, миллионы разоренных крестьян убегали в Америку, белорусы и украинцы точили ножи на панов, польские коммунисты готовили восстание, под ногами молодой республики топтался Семен Петлюра со своим "табором", Борис Савинков плел паутину заговоров, по улицам разгуливали чекисты. Москва не оставляла идеи разжечь гражданскую войну в Польше. Убегая от кровожадных коммунистов, народ умудрялся тащить за собой целые картинные галереи, чемоданы золота и чековые книжки швейцарских банков. "Бандит" Махно, бравший поезда с царскими богатствами, приехал в Европу в рваной гимнастерке и без гроша в кармане. Деньги на

пропитание он получал от американских анархистов. В Польской сваре 20-х годов Махно представлял собой козырную карту для всех вражеских сторон. Как говорил Дзержинский: "Заложник - это капитал для обмена". Первыми пришли "петлюровцы". Жена Галина Андреевна и друзья Махно клюнули на удочку. Г.А. очень хотелось сделать "что-то значительное для Украины". Махно решительно отклонил предложение Семена Петлюры стать под "желто-блакитное" знамя и выступить в поход. Потом пришли коммунисты. Их план был прост и ядовит - оттяпать у поляков Галицию (только Махно способен поднять людей на восстание). Зная по горькому опыту, что значит "соглашения" с коммунистами, Махно отклонил и этот план. Взбесившись, они подстроили ловушку, смысл которой сводился к одному - суд и выдача Махно москве. При обыске в бараке у Адольфа Красновского, словно привинченного к Махно, обнаружили фальшивое "соглашение" о сделке с Москвой.

2 августа 1922 года Махно и его сообщники были арестованы "Дефенсивой" (секретная разведка польской армии) и бросили в знаменитую тюрьму Мокотов, где в свое время отдувался "товарищ Юзеф" - Дзержинский. В тюрьме у Махно возобновилась чахотка, заныли свежие раны. В то же лето, там же, в тюрьме Галина Андреевна родила дочь, которую назвали Люсей. Заключение Махно и нелепо сфабрикованное обвинение в "государственной измене" вызвали настоящий шквал протестов по всему миру. Патриарх французского социализма, Себастиан Фор , поднял бучу во Франции. В Германии протестовали Рудольф Рокер, Эмма Гольдман, Саша Беркман. Болгарские террористы грозились взорвать все посольства Польши, если Махно будет осужден. Американцы собрали ровно 1416 долларов для заключенных. Поляк Казимир Теслар забил в набат в Варшаве. Основательно струсив, польский суд 27 ноября 1923 года признал Махно и его подельников невиновными и сдал их под полицейский досмотр. В "вольном городе" Данциге, куда Махно выехал с позволения властей, его схватили чекисты Уншлихта (глава "разведупра" и польской секции Коминтерна) некто Еленский и Ян Сосновкий и повезли в Берлин, в советское посольство. Он выбросился из автомобиля и сдался немецкой полиции. Снова лагерь, снова ожидание въездной визы, и снова нелегальный переход границы. Обещанные Волиным деньги, 75 долларов, Махно не получил, и после голодной зимы, от декабря 24 по апрель 25, его вывезли в Париж. В сопровождении французского анархиста Давида Полякова, он приземлился во Франции, в гостеприимном доме Мей Пикер, знаменитой феминистки, накормившей голодных горячей пищей.

Если военная эпопея Махно кончилась в 1921 году, то мучительная, но достойная драка с идейными врагами, тюремщиками, ренегатами, провокаторами, мошенниками продолжалась еще 12 лет. Однако он победил всех. В Париже Махно попал не в "русское

блистательное общество", а в самую гущу "Черного Интернационала", где ковались ножи мировой социальной революции людьми всевозможных племен и народов. Махно пережил Ленина, желавшего его "взять под замок", в 1925 году коммунисты зарезали своего военного начальника М.В.Фрунзе, не раз убегавшего от махновских тачанок. На "красного фельдфебеля" Льва Троцкого уже была запущена травля, и до окончательной ликвидации "фашистского пса" оставалось недолго. Сталинский топор настигнет его в далекой Мексике в 1940 году. На очереди стояли Семен Петлюра и Феликс Дзержинский. В мае 1926 года на квартирку Махно в пригороде Парижа Венсен пришел молодой еврей Сема Шварцбард, не скрывавший своих симпатий к "махновщине". В присутствии болгарина Киро Радева он просил благословения у Махно на убийство Семена Петлюры, истребившего всю семью беженца. Очевидно, Махно сказал: "Не надо, Семен, береги себя!", как в свое время его предупреждал П.А.Кропоткин. Семен не послушался совета. 27 мая на бульваре Сан-Мишель Семен дождался выхода Петлюры из церкви и выпустил в него шесть пуль из револьвера. Через несколько минут Петлюра скончался. На допросе в полиции Шварцбард заявил, что он отомстил Петлюре за жестокости, которые тот чинил на Украине над евреями, в частности, за убийство его родителей. 30 мая Петлюру похоронили на кладбище Монпарнас, под венками и национальным украинским флагом.

Чуть позднее, в Москве, на кремлевской трибуне хватил удар Феликса Дзержинского, так и не поймавшего Махно. Его аккуратно запечатали в Кремлевской стене.

По воле судьбы "махновщина" оказалась в одном котле с российским сбродом, с которым он воевал на смерть с 1906 года. Его не желали оставлять в покое и точили ядовитые ножи. В берлинской газете журналист Арбатов и полковник Герасименко пишут подлую статью о зверствах махновцев в Екатеринославе. Большой любитель русских кабаков, журналист Иосиф Кесель, по рассказам пьяного офицера, сочинил пасквиль под названием "Махно и еврейка", где речь шла о гаремах Махно, разгулах и резне. Нестор Махно решил пресечь клеветников и дал бой легкому на перо Кеселю, сочинившему отсебятину, походившую на публичный донос, а заодно и всему блистательному русскому Парижу, который он презирал. 23 июня 1927 года Махно назначил встречу кеселю в знаменитом клубе Фобург, где происходили поединки партийных съездов и выступления различных ораторов. Махно раздавил журналиста в лепешку, и тот, как побитая собака, все повторял одно и то же: "Писатель имеет право на выдумку!". Выдумка Кеселя могла кончиться высылкой Махно из Франции.

18 октября 1927 года на суде Семена Шварцбарда адвокаты-коммунисты снова подняли "еврейский вопрос", зацепив

"махновщину". Свидетель, далекий от "махновщины", заявил: "В районах действия махновцев погромы не имели места, еврейское население, коммуны Бердянска, Александровска, Мариуполя с радостью встречали приход Махно, оказывая ему всевозможную поддержку". Враги оставили "махновщину" в покое, но внутри движения начались серьезные склоки. Василий Заяц, прошедший все огни и медные трубы кровавой гражданской войны, не вынес склок на чужбине и застрелился на кухне Махно. Испанский анархист, Механик Дурутти, месяц прятался у Махно, спасаясь от ареста полиции. Петр Аршинов-Марин, живший в одном доме с Махно, когда-то много работавший в "культпросвете" ПАМ, поддавшись советам жены, сочинил "пробольшевистский" манифест, призывавший к сотрудничеству с Москвой. Многодетный Всеволод Волин, всемирно известный анархист, одно время председатель ВРС ПАМ, в 1924 году по-мелкому зажавший у Махно 75 долларов, выступил с "платформой", направленной против аршиновского "бунтаря". Смута, поднятая Аршиновым и Волиным, захлестнула весь "Черный Интернационал". Раскол совпал с арестом испанца Дурутти, нелегально проживавшего во Франции. Его выдачи требовали Испания, Аргентина и Куба. Себастиан Фор снова поднял шумиху в прессе и добился освобождения испанского бунтаря.

7 ноября 1927 года масоны из "гран Ориан" пригласили Нестора Махно на торжественное заседание, посвященное русской революции. Советский посол Христиан Раковский представлял большевиков, Махно был известен как "попутчик" революции, вожак украинских крестьян. Друзья стали шептаться, что Махно стал масоном и куплен советским посольством. Опровергая слухи, Махно выступил с горячей статьей в журнале Григория Беседовского "Борьба". Секретарша Махно Ида Мет вспоминает, что в это время Махно работал сапожником, питался впроголодь и всю получку отдавал в журнал "Дело Труда", редактором которой был Аршинов. "Мы заявляем, - писали американские анархисты, - что Аршинов своим органом "Дело Труда" внес деморализацию и дезорганизацию в русское анархическое движение в США и Южной Америке". Аршинов огрызался в ответ: "Анархисты гонят самогон в штате Коннектикут и предаются беспробудному пьянству, как например, бывший "максималист" Гордиенко".

Чтобы положить конец склокам, Махно решил собрать внеочередной съезд "Черного Интернационала". С Аршиновым, много сделавшим для популяризации "махновщины", а теперь круто повернувшим на смычку с большевиками, Махно было не по пути. Всеволод Волин постепенно отходил от идейной работы, сочиняя статейки для журнала Себастиана Фора "Либертер".

6 апреля 1929 года в одном из парижских кинотеатров собрались представители Франции, Испании, Италии, Болгарии, России, Китая. Махно явился на съезд больным после неудачной

операции ноги. Кинотеатр был оцеплен полицией. После заседания начались облавы и проверка документов делегатов. "Дело Махно" снова появилось на столе министра внутренних дел. Ему угрожали высылкой, если он не прекратит нелегальную деятельность. В защиту Махно снова выступила вся "левая" печать Франции. Его оставили в покое.

В 1930 году списавшись со своим бывшим сокамерником Серго Орджоникидзе, Петр Аршинов получил советский паспорт и выехал с семьей в Москву. Нестор Махно продолжал сотрудничать с американским журналом "Пробуждение" и французским "Либертер". С помощью новой секретарши Марии Гольдшмит он писал свои "воспоминания". Жена Галина Андреевна, опасаясь заразить дочку чахоткой, перебралась на другую квартиру и открыла бакалейную лавку "Махно". На кухне Нестора постоянно сидели друзья, Гриша Бартановский или просто "Барта", гуляйполец, однокашник по "земской школе", Давид Поляков, однополчане по ПАМ Большаков, Харламов, Мазер, Заренк, болгарские эмигранты Киро Радев, Ереван, Никола Чербаджиев. Махно не вылезал из библиотеки Военного музея Венсен, на жизнь подрабатывал малярством, сапожничал на дому, иногда выбирался на конские бега в Вансенский лес. Если ему удавалось выбраться в Париж, то в цирке "Буффало" можно было полюбоваться джигитовкой казаков под рукокодством бывшего генерала Шкуро. Погромщик Гуляй-Поля продолжал карьеру на цирковой арене. Военные аппетиты у него не пропали. В 1940 году он предложил свои услуги немцам, в 1945 - выдан Москве, где и закончил жизнь в петле.

Французы не забыли "вансенского затворника". 31 июля 1931 года они организовали "Праздник солидарности с Махно", где

выступили ораторы, артисты, цирк. Денежный сбор получил Нестор махно. Жизнь Махно в Париже не была пустой и бессмысленной, как у тысяч русских эмигрантов, потерявших доходные места в России. Он не превратился в бродягу и попрошайку. Испанцы звали его

возглавить революцию! Разбитый чахоткой и ранами, Махно давал дельные совета восставшим пролетариям Испании. В 1932 году безумный русский казак Горгулов укокошил Президента Франции Поля Думера. В русской колонии поднялся большой шухер, как бы не погнали всех с гостеприимной французской земли! Год 1933 был роковым для всех. Имя Адольфа Гитлера произносили с большим почтением. Над Европой густо поднималась "коричневая чума" расизма. Париж не вмещал немецких беженцев. Загнанный Троцкий метался из одной страны в другую, нигде не получая постоянной прописки. Вокруг него толкались случайные попутчики, сооружавшие "4-й Коминтерн", а над головой постоянно висел сталинский топор.

Невиданный голод обрушился на Советскую Россию. На родине Махно, на Украине, палачествовали некий товарищ Постышев с чекистом Балицким, заплечных дел мастером. "Коба" Сталин созрел стать "русским царем".

21 января 1934 года Махно узнал о смерти своего учителя Николая Рогдаева в далекой Сибири. В память своего наставника он написал замечательную статью в журнал "пробуждение".

В феврале к площади Конкорд потянулись фаланги хорошо одетых людей с орденскими колодками на лацканах. Они разметали полицейские кордоны и пробились к Президентскому дворцу. Было приказано стрелять по восставшим. Началось нешуточное сражение. Выносили убитых и раненых. 12 февраля профсоюзы Франции объявили всеобщую забастовку. В первых рядах анархистов Парижа, под лозунгом "Свобода или смерть!" шел Махно. Возвратившись домой, Махно слег от тяжелой простуды. 16 марта его спустили на носилках с четвертого этажа и отвезли в больницу Тенон для чахоточных. Потянулись унылые больничные будни. Жена притащила мириться Всеволода Волина. Французские друзья засыпали палату цветами и подарками. В начале июля его оперировали. Никакого успеха. Из этих стен выносили только покойников. 25 июля 1934 года Нестор Махно скончался.

Великого анархиста, ни разу не освистанного народного трибуна, полководца первого сорта, защитника угнетенных, больных и нищих, оригинального мыслителя, поэта, журналиста похоронили у стен Парижских Коммунаров на кладбище Пер-Лашез. Его провожали в последний путь пятьсот верных соратников и друзей всех племен и наречий, под Черным Знаменем мирового анархизма.

30 сентября 1986 года *Собрал и составил Кацапов*

Контактные адреса и телефоны:

Санкт-Петербург

Редакция научно-популярного журнала
"Черная Линия": СПб, 190121, а/я 973

Прием посетителей по адресу:
Измайловский пр., д.8, ком.81
каждый вторник с 18.00 до 20.00
телефон: 259-51-60

Редакция информационно-издательского
агентства анархистов "АН-ПРЕСС":
СПб, 194018, пр.Пархоменко, д.33, кв.76
телефон: 247-85-72

Москва

Телефон: (095) 281-45-61

Тула

Телефон: (0872) 26-43-26

Казань

Казань, 420059, а/я 79

СОДЕРЖАНИЕ

"Черная Линия"
научно-популярный журнал

Редакция: Майшев А.В., Михайлов А.А., Русаков А.Ю.

Редактор выпуска: Русаков А.Ю.

Журнал зарегистрирован
Региональной инспекцией по защите свободы печати
и массовой информации (С.-Петербург) 4 июня 1993 года
Свидетельство о регистрации средства
массовой информации N П 0451

Тираж - 999 экз.

Учредитель АО "Демарх"

Черная линия

BLACK LINE

<u>В следующем выпуске:</u>

Стремление к власти как следствие неразвитого интеллекта

*

Сила без власти (обзор новых социальных технологий, предлагаемых западными исследователями)

*

Что такое "Демархия"? Или новое как хорошо забытое старое

*

Случайность или мистика. Анализ трагических обстоятельств смерти сына знаменитого Брюса Ли.